

СЛОВО ТЕМ, КТО ВОЕВАЛ

1941-1945

М.К. Кудрявцев

СЕНТЯБРЬ 1942 ГОДА

Прежде чем говорить о сентябре 1942 года, надо сказать о некоторых предшествовавших событиях в моей военной биографии.

Я был мобилизован 1 июля 1941 года. Будучи топографом со званием старшего воентехника, т.е. с тремя кубиками в петлицах, я попал в 8-й топографический отряд. Расположенный в Ленинграде, он занимался картографированием. 31 июля я был отправлен на фронт в соединение, именованное «Кингисеппский участок обороны», на должность старшего топографа корпуса. Но оказалось, что должность эту уже занимал мой однокурсник по техникуму. Начальник штаба прикомандировал меня к штабу артиллерии на несуществующую в его штате должность старшего топографа. Так я стал артиллеристом.

Мне довелось быть участником двух попыток прорвать оборону немцев под Ленинградом со стороны Волховского фронта. В марте—апреле 1942 года наши части вновь начали штурм немецких укреплений в районе Погостья, где была повторена январская попытка. Бои были трудные, немцев оттеснили за линию железнодорожной магистрали Ленинград—Москва, но развить успех не удалось.

В сентябре 1942 года было предпринято большое наступление в направлении Невской Дубровки, на соединение с защитниками этого плацдарма, обильно политого кровью наших солдат. О знаменитой Невской Дубровке надо писать книгу, где каждая страница — это

Михаил Константинович Кудрявцев, индолог, доктор исторических наук. Подполковник. Участник боев Ленинградского, Волховского, 1-го и 2-го Украинских фронтов. Многие сделал для увековечения памяти однополчан и наших ветеранов. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Ленинграда» и другими.

тысячи погибших во имя нашей Победы. Такую же трагическую, но полную героизма повесть можно писать о тех, кто шел на прорыв к защитникам плацдарма.

Немецкая оборона была прорвана, в прорыв вошло около корпуса, однако она была слишком глубока, а наступление наших частей не было поддержано на флангах и на других участках. Нас окружили. Кончались боеприпасы, продовольствие. В котелках варили мясо наших коней, убитых две недели назад. Из окружения прорывались с боем. Прорвались немногие. Из артиллерийского полка, в котором я служил, вышло около 30 человек. В моей батарее — я был тогда заместителем комбата — вышли 9 человек из 57, из них 5 — тяжело раненых.

После сентябрьских боев 1942 года пришлось быть в обороне на Волховском фронте у так называемого «Сокольега моха». Гиблые места. Много наших полегло там, но немец дальше не прошел. А потом отсюда его погнали на Запад и гнали от Синявинских и Мгинских болот до Берлина. В этих наступательных боях под Ленинградом мне не довелось участвовать: мою часть перебросили на Степной фронт, где началось наше крупное наступление.

...Немцы нажимали. Они взяли Кингисепп, затем Ивановское и все больше теснили нас к Ленинграду. 8 сентября 1941 года в печальный для ленинградцев день бомбардировки немецкой авиацией Бадаевских продовольственных складов рано утром, избежав пленения, мы прибыли в Ленинград. Вскоре наш штаб артиллерии в полном составе влился в Невскую оперативную группу, штаб которой стоял в Колтушах, а фронт проходил по правому берегу Невы вниз от Шлиссельбурга. Он включал и плацдарм на левом берегу Невы, ставший известным как Невский «пяточок».

В начале ноября основной состав нашего штаба был отозван в Штаб артиллерии внутренней обороны Ленинграда.

Не имея специального образования в крупных артиллерийских штабах, я получил некоторые навыки оперативной работы, часто выполняя функции оперативного дежурного. Но в начале февраля 1942 года меня вывели в резерв, а 16 февраля отправили на Волховский фронт, через Ладожское озеро. Здесь, в 294-й стрелковой дивизии, началась для меня не оперативная, а уже строевая артиллерийская служба. Начиная с командира взвода.

В марте наша дивизия получила пополнение. К нам пришли сибиряки, в полушубках и валенках, тогда как мы буквально околевали в

шинелях и сапогах (морозы-то были жестокие). В составе 54-й армии в марте же мы начали наступление, с целью овладения Любанью с северо-востока. Немцы оказали упорное сопротивление, тем не менее мы взяли разъезды Погостье и Шала на железнодорожной линии Москва—Бутырская и продвинулись вперед.

Не могу не рассказать об одном эпизоде. В ходе наступления на месте бывшего торфяного поселка Шала должен был расположиться штаб дивизии. Меня с несколькими солдатами послали выбрать лес для рубки на накат землянок. Выйдя на опушку, мы увидели просеку, в начале которой были две пирамиды стреляных гильз. Поняли, что здесь стояли два спаренных пулемета немцев. Тут же на просеке начиная от пулеметов и в глубь леса лежало множество наших солдат, окоченевших в самых причудливых позах. Впереди был командир с тремя кубиками в петлицах. Все были с лыжами.

Вернулись в штаб, доложили. Оказалось, накануне ночью в обход Шалы был выслан наш лыжный батальон. Как стало очевидным, немецкие пулеметчики подпустили его по просеке (а иначе лыжники и не могли идти по лесу) вплотную к пулеметам и открыли бешеный огонь. В таких условиях едва ли кто из батальона уцелел. Начальство вызвало трофейно-похоронную команду убирать убитых, а штаб дивизии не остановился здесь и за войсками двинулся вперед. Наши потери были такими, что за несколько дней наступления мало кто остался от сибирского пополнения и от дивизии вообще. В каждом полку остались несколько десятков активных штыков. Когда потребовалось провести разведку, возглавил ее сам командир дивизии, собрав в нее уже не разведчиков, которых не было, а солдат, обслуживающих штаб дивизии и тылы. Вся разведка во главе с командиром дивизии погибла. Наше наступление остановилось далеко от Любани, и мы стали в оборону на реке Смердынке. Не меньшие потери в это время понесла и еще меньших успехов добилась 2-я ударная армия под командованием печально известного генерала Власова, наступавшая на Любань с юга.

Летом 1942 года я был назначен заместителем командира первой батареи 849-го артиллерийского полка 294-й стрелковой дивизии. Командиром батареи был молодой тогда парень лет 23—24 Иван Пашков. В должности его заместителя со званием старшего воентехника я был и в сентябре 1942 года, о котором и пойдет речь.

Дивизия наша уже летом 1942 года была снята с обороны под Смердынкой, выведена на некоторое время на оборонительные позиции севернее, по реке Назия, здесь пополнена, а затем переведена

севернее железнодорожной линии Ленинград—Волховстрой и передана состоявшей в резерве 2-й ударной армии.

В августе Волховским фронтом совместно с Ленинградским была задумана операция по прорыву блокады Ленинграда. Войска Волховского фронта должны были прорвать оборону противника южнее Ладожского озера, взять Синявино и устремиться через торфяные поселки к Неве, откуда навстречу ему должны были двинуться с Невского плацдарма войска Ленинградского фронта. Встреча войск должна была произойти где-то севернее Синявина. Не знаю, как она именовалась официально, а в войсках получила название Синявинской операции.

27—28 августа 1942 года операцию начала стоявшая на правом фланге Волховского фронта 8-я армия. Противник стоял упорно на хорошо оборудованных позициях. Однако севернее деревни Гайтолово, вдоль высоковольтной линии, идущей от Волховстроя в Ленинград, войскам удалось прорвать эту оборону на узком участке и закрепиться в глубине вражеской обороны. Но немцы наседали, и потери прорвавшихся частей были велики. Командование фронта решило бросить в прорыв бывшую в резерве фронта 2-ю ударную армию (в том числе нашу 294-ю дивизию). Перед ней ставилась задача взять Синявино и, развивая наступление, выйти на соединение с войсками Ленинградского фронта.

Не знаю, когда выступили с места сосредоточения наши стрелковые полки, а артполк выступил в ночь на 4 сентября. Командование рассчитывало, что мощный удар свежих сил через прорыв на Синявино будет неотвратим и четвертого же числа мы соединимся с Ленинградским фронтом. Во всяком случае, такая задача ставилась перед дивизией и доводилась до сведения людей, до рот и батарей...

Наши пушечные батареи (76-миллиметровые пушки 1931 года на гаубичном лафете) были на конной тяге. Каждую везла шестерка крупных артиллерийских лошадей (3 пары), да еще повозки со снарядами и снаряжением. Орудийные расчеты шли пешком. Так что для артиллерии и авиации противника батарея на марше представляла заметную цель. Однако до нашего подхода к месту прорыва нас никто не беспокоил. И только в месте бывшего прорыва, севернее деревни Гайтолово, на дороге, идущей вдоль высоковольтной линии, неожиданно с флангов нас обстреляли пулеметы. Стрельба была беспорядочной, но столь интенсивной, что мне пришлось скомандовать батарее «рысью марш!». И мы помчались по совершенно разбитой воронками военной дороге.

А почему командовал именно я, следует объяснить. Командир ба-

тари Пашков был в это время, как и положено, в боевых порядках передовых стрелковых частей, т.е. в одном из полков. Заместитель его должен в этом случае командовать батареей, занимать огневые позиции и вести огонь по командам командира батареи, находящегося где-то на передовом наблюдательном пункте (НП). В этом случае заместитель официально считался «старшим на батарее».

Я вел батарею в составе трех орудий, так как одно из них в это время было в ремонте.

Три орудия — это восемнадцать только артиллерийских коней да еще обоз. И я и солдаты шли, а где-то и бежали, пешком. На спуске к реке Черной мы оказались вне поля зрения немцев, и фланговый огонь по нам прекратился. Но сама речка, уже без моста, составляла изрядное препятствие для орудий. В этом случае командуются «расчет на колеса» и общими силами пушки преодолевают препятствие.

Только мы выбрались из речки, как услышали шум сильной бомбардировки. Сначала подумали, наконец-то начальство удостоило нас артподготовки. Но, увы, артиллерийским огнем, авиацией, не говоря уж о танках, наше наступление так и не было поддержано. Это была интенсивная бомбардировка немецкой авиацией наших передовых частей. В ней погиб почти полностью один из наших батальонов, и сильно пострадал полк.

Не доходя до Синявина на полтора-два километра, войска наши были остановлены противником. Синявино было расположено высоко, на неожиданно для этих мест крутой горе, а наши части заняли позиции на болоте под горой, и хорошо еще в лесу, а не на открытом месте.

Пройдя от Черной речки километра два вдоль высоковольтки, мы свернули по дороге направо, и я получил приказ от командира дивизиона стать на огневые позиции на опушке леса. Она оказалась единственно удобной позицией в этих местах, так как перед орудиями была чистая поляна и не пришлось вырубать сектор обстрела. Рядом с моей стали на огневые позиции еще две пушечные батареи нашего полка. Командиры этих батарей, как и мой, были на передовых наблюдательных пунктах, километрах в полутора от нас.

Мы поставили орудия (у меня их было три, а у соседей — тоже неполный состав) и одновременно выкопали ямы для укрытия лошадей. На это ушло утро. Себе землянки вырыть не успели, ограничились «щелями». Еще не сделав ни одного выстрела, подверглись бомбардировке с воздуха. Уже не помню, сколько погибло людей, но лошадей артиллерийских погибло 14 из 18. Их хомуты мы сложили пирамидкой на высоком пеньке, в непосредственном тылу батареи.

Тем временем взводы управления установили телефонную связь с наблюдательным пунктом командира батареи. Заработала и радиосвязь. Начали вести огонь. Вместе с тем надо было похоронить убитых, эвакуировать раненых, зарыть трупы лошадей, накормить людей. Всем этим мне пришлось заниматься с первого дня сентябрьских боев, и я почувствовал, что такое — командовать батареей. Ни мне, ни солдатам было не до сна, особенно если расчеты вели огонь и грохотали наши орудия, а еще хуже, когда нас громили вражеская артиллерия и авиация. А так было ежедневно и по многу раз в день. Все те же обязанности вести ответный огонь, хоронить убитых, эвакуировать раненых, а вскоре и добывать боеприпасы... Тем не менее как-то спали по часу-два, уже не ночью, а когда как придется.

Через несколько дней из личного состава батареи почти не осталось боеспособных солдат. Пополнение нам приходило из полка, из состава тех батарей, которые не стояли на огневых позициях. И так, мы — три неполные батареи — перевели на своих огневых к концу сентября весь солдатский состав полка, за исключением некоторых обозных и других тыловиков, так или иначе пробывавшихся к нам, снабжавших нас продовольствием и боеприпасами и увозивших раненых.

С боеприпасами становилось все хуже. Многие повозочные не только нашего полка и нашей дивизии не доезжали до нас, подвергались артиллерийским налетам и сваливали снаряды на обочине дороги.

Через неделю расчеты вырыли себе блиндажи и накрыли их в 2—3 наката. У радистов была крытая щель. Тем не менее большую часть дня люди были на поверхности. Крутился между ними и я, выполняя свои обязанности. И первое время людей удивляло, что вот они непрерывно убывают в числе и меняются в составе, а я все жив и даже не ранен. Случалось, что во время артналета, минометного обстрела или бомбежки застигнутые ими солдаты бежали на то место, где лежал я, и ложились рядом. Подобные перебежки были опасны. Но они думали, что я, командир, знаю, где лечь, и потому жив. А у меня было правило: где застал обстрел, там же и лечь, не поднимая головы и, как тогда говорили, «нюхал землю».

Но раз обстрел тяжелыми снарядами застал меня у щели радистов. Их было двое. Щель их была крытая. Не раздумывая, туда влетел один солдат и лег на живот на дне. На него свалился и я и лег таким же манером. На мне лежали еще два радиста. Вдруг над нами — страшный разрыв, и землянка стала осыпаться. Мы уже задыхались от пыли и от земли. Обстрел прекратился, и я слышу под собой стон. Радисты

встали и вытащили нас. Солдатик мой стонет, и гимнастерка на спине порвана. На спине, на которой я лежал грудью... Задрали гимнастерку, а там поперек спины неглубокая, но рваная рана. Я посмотрел себе на грудь. Гимнастерка грязная, но цела, и у меня — ни царапины. Оказывается, над нами на сосне разорвался тяжелый снаряд и так потряс землянку, что какая-то щепка (так мы решили) от обшивки прошла по солдатской спине. Однако его пришлось эвакуировать в медсанбат.

После многочисленных бомбежек и артобстрелов в течение первых дней немцы, по-видимому, считали нас уничтоженными. Но сильно пострадавшие наши батареи вели огонь и, вероятно, доставляли немцам немало неприятностей. Наше положение досадной цели для немцев усугубилось, когда практически перестала действовать проводная связь, и стреляли мы только по радию. Дело в том, что тянуть постоянно рвавшийся телефонный провод на наблюдательный пункт командира батареи стало слишком опасно. Пространство между ним и батареей интенсивно простреливалось ружейно-пулеметным огнем и минометами. Надо было беречь людей, и мы перешли на радию. Помню, как посылал на линию с катушкой молодого украинского парня, а он расплакался. Смотрит мне в глаза и ревет, как ребенок, у которого отняли куклу. Я ему объясняю, что за невыполнение приказа командира его могут расстрелять по законам войны, а он ревет, захлебываясь. Пришлось послать другого солдата на линию. А этот так и не дождал до лучших времен — стал жертвой одного из артналетов.

Так вот, вынуждены мы были стрелять по радио, т.е. в открытую для немцев. А они, как услышат: «Лето, Лето, я Овод, как слышите, прием», так и обрушиваются всеми средствами на давно «похороненную» ими батарею.

На вызов расчетов к орудиям и стрельбу у нас оставались минуты. Кроме того над нами часто висела «рама» — разведывательный самолет немцев, всегда готовый вызвать на нас огонь немецкой артиллерии. А у нас был приказ: во время бомбардировок, артналетов и когда немецкие самолеты над нами, не вызывать расчеты к орудиям и, следовательно, не стрелять. Мне случилось пойти в землянку комиссара батареи (ставшего к этому времени комиссаром дивизиона), расположенную метрах в 60—80 в тылах огневых позиций. Над нами висела «рама», и я приказал командирам взводов не стрелять, т.е. без меня не поднимать расчеты к орудиям ни по каким приказам. Пяти минут я не провел с комиссаром, как услышал, что мои орудия заговорили, и тут же начался немецкий обстрел. Очень густо ложились их снаряды. Я бросился к батарее, но даже не шел, а полз. Тем более, что снаряд

попал в штабель с нашими снарядами, они загорелись, образовался дым. Лежащее поперек дерево я преодолевал не сверху, а снизу, хотя, как мне казалось, там была всего десятисантиметровая щель. Обстрел прекратился, и на накате нашей землянки, в которую почти упиралось хоботом одно орудие, лежал солдат, застигнутый часовым у землянки в момент обстрела. Он был в шинели, изрешеченной разорвавшейся перед ним миной. Даже нести его было трудно, так он был изрублен осколками в упор. Расчеты же вовремя успели укрыться в щелях и блиндажах.

На огневых позициях наших батарей за все время не побывали даже их командиры, не говоря уж о полковом начальстве. С ними мы связывались по телефону, а позднее — только по радиии. Иногда команду на огонь мы получали из штаба полка, который слабо представлял себе обстановку на батареях. И телефон, и радиия были из трех батарей только у меня. Поэтому фактически я был старшим на трех батареях, и забот у меня стало втрое больше. Так, к двадцатым числам сентября подвоз снарядов нам совсем прекратился. Приходилось брать 2—3 солдат и выходить на дорогу вдоль высоковольтки в поисках снарядов за километр-полтора. Больше двух снарядов одному трудно принести, а иногда их и вовсе не было. Приходилось с солдатами посылать либо командира взвода, либо идти самому. И вот случай солдатского счастья. Когда мы с бойцом искали снаряды, по той же дороге в тыл шел какой-то солдат. По нашей группе был произведен короткий артналет. Все мы легли в кюветы. Кончился налет, мы поднялись, а тот остался лежать. Подошли. Оказывается, раненный в плечо, он шел в тыл, в медсанбат, а тут его опять задело осколком в то же плечо. Мы перевязали его, вытерли кровь, и он снова зашагал в тыл. Случай интересен тем, что именно раненый был ранен, да еще в раненную уже руку.

Ближе к двадцатым числам со снарядами стало совсем плохо. Наши снаряды — это гранаты, шрапнель и бронебойные. Больше всего нужна была граната. Раз получаю приказ из штаба полка об открытии батарей беглого огня по такой-то цели или площади. А у меня остались бронебойные, да и то мало. Объясняю положение. А начальником штаба полка тогда стал новый для полка человек. Я ему говорю, что нечем стрелять, а он командует: «Пять снарядов беглый огонь» и грозит расстрелять, в случае невыполнения приказа. Я согласился быть расстрелянным, только просил его прибыть для этого к нам на батарею. Я знал, что командование полка приковано к своим землянкам в небольшой роще, что полоса между ними и нами так простреливается,

что мы даже отказались от проводной связи. И я представляю, как бы мои солдаты (вечная им слава!) отреагировали на расстреливателя.

В батарее было два огневых взвода по две пушки (во втором взводе была одна пушка, вторая — в ремонте) и, соответственно, по два расчета из семи человек в каждом и два командира огневых взводов. Кроме того был взвод управления со своим командиром и хозяйственная часть под надзором старшины батареи. Командиром одного огневого взвода был высокий и тощий лейтенант, бывший ленинградский инженер лет около сорока. Обмундирование ему было коротко, и выглядел он подростком, выросшим из формы. Другой командир взвода был младший лейтенант из хитрых смоленских мужичков. Я строго требовал от командиров взводов, чтобы когда они поднимают расчеты к орудиям, сами находились бы у орудий. Так вот, командир первого взвода во время ведения огня стоял у первого орудия, и, странное дело, длинные ноги его всегда тряслись. На мой вопрос: «Почему?», он отвечал, что ничего с собой не может поделать, но всегда сам командовал огнем. Другой комвзвода, если меня не было рядом, командовал расчетом установки из блиндажа, а точнее — из щели у блиндажа. С ним у меня были стычки, вплоть до угроз револьвером.

Всем на батарее в равной степени было и страшно и опасно. Так, одно время на огневых (в помощь убывающим расчетам) оказались батарейный писарь и парикмахер. Однажды после сильного артналета тяжелыми снарядами из земли вылез почти задохнувшийся писарь, а там под землей оставался еще парикмахер. Хоть и быстро его откопали, но он был уже мертв. В начале артобстрела они стояли рядом с какой-то щелью и, естественно, укрылись туда. Но разрыв у самой щели засыпал их землей.

Страдали и люди, и материальная часть. Одну пушку пришлось заменить, притащив на руках другую из стоявшей в резерве батареи примерно в километре от нас. К счастью, эта операция прошла без потерь.

Кстати, надо рассказать о необычайном случае на месте, где мы брали резервную пушку. Там были еще пушки батарей, не нашедших себе огневых позиций, и в глубокой двухъярусной землянке жили офицеры этих батарей, также составлявшие резерв полка. Однажды авиационная бомба угодила в эту землянку. Живыми оказались двое, лежавшие на верхних нарах и выброшенные взрывной волной далеко от образовавшейся воронки. Один из них, вероятно, был тяжело ранен (без сознания он был эвакуирован в медсанбат). О дальнейшей судьбе его я ничего не знаю. Второй, выброшенный взрывной волной, оказал-

ся только контужен и тоже отправлен в медсанбат. Это был молодой лейтенант, командир взвода Михаил Сергин. Он через 2—3 недели поправился и вернулся в полк. Сергин долго прослужил в полку и с ним многократно происходили случаи, когда из многих он один оказывался невредимым. Даже немцы откуда-то прослышали о нем и одно время через рупоры своей пропаганды на передовой приглашали его к себе. Последний раз я видел Сергина во время нашего наступления в Молдавии, когда он возвращался в часть после очередного ранения. Удачливый был Мишка Сергин.

Теперь надо сказать о нашем командире батареи (даже не помню, был ли он в это время старшим лейтенантом или капитаном), об Иване (позднее узнал, что он Федорович) Пашкове. Вскоре после моего назначения его заместителем нам вместе с комиссаром пришлось принимать новое пополнение. Я обратил внимание, как Иван дотошно расспрашивал прибывающих к нам солдат и внимательно выслушивал их рассказы о семье и их прошлой жизни. (В составе этого пополнения были и выпущенные из тюрем.) И солдаты, даже великовозрастные, всегда относились к нему как к родному отцу. В сентябрьских боях, как уже было сказано, он находился не на батарее, а на наблюдательном пункте в боевых порядках одного из стрелковых полков. По телефону и по радиии я получал от него установки и команду на стрельбу, и батарея послушно вела огонь. А часто случалось стреляли мы тремя стоящими рядом батареями. Некоторые солдаты пришли и ушли, так и не увидев своего командира, но авторитет его и уважение к нему были высоки у наших батарейцев, как подтвердили и события нашего выхода из окружения.

Он был на наблюдательном пункте, и я должен был хоть раз в день доставлять ему питание. Каждый раз с котелком или двумя я отправлял на НП солдата. А пространство между батареей и НП, как уже говорилось, интенсивно простреливалось. Уверенности в том, что солдат доставит котелки и вернется, у нас не было. И вот как-то звоню Пашкову, что высылаю такого-то солдата. Он говорит: «Не высылай». Я ему говорю, что ведь и вчера не высылаю ему еды, а он: «Береги людей». И это молодой парень говорит мне, уже умудренному жизнью. Этим он и привязывал к себе людей.

Убывали люди. Резерва для пополнения не было. Не было и боеприпасов. Экскурсии за ними на дорогу участились, а результаты их были все хуже. Боеприпасов не хватало даже не на батарею, а на одну пушку. Около 20 сентября получил я приказ из полка перевезти хоть одну пушку на новые огневые позиции, рядом, чтобы стрелять на пра-

вый фланг и даже в тыл дивизии. Перетащив одно орудие на ближайшую полянку, вытянутую по предстоящему сектору обстрела, я не мог произвести ни одного выстрела. Пока я находился в небольшом укрытии у хобота орудия, все было спокойно, а как только подходил к пушке, по мне откуда-то начинал строчить немецкий пулемет, и пули щелкали по орудью. Так я и не вызывал к нему расчет и не вел огонь.

А на следующий день выяснилось, что мы окружены, и немцы завязали мешок в том месте, где мы входили в прорыв, т.е. севернее деревни Гайтолово. Мы начали голодать. Ночью над нами кружил наш самолет У-2 и наудачу бросал продукты. Так, одним утром мы обнаружили у своих землянок мешок с сухарями, а на полянке перед стволами орудий разбитый ящик с консервами. Однако это было всего раз, а пищи не было. Солдаты стали раскапывать трупы убитых 4-го сентября лошадей и пытались варить их. Но варить — значит жечь костры и дымить, т.е. показывать себя немцам. Серьезного из этой затеи ничего не получилось. Но еще через пару дней появилась у нас группа солдат из тыла с вещмешками с продовольствием. Привел их через немецкое окружение начпрод полка капитан Шараров. Среди этих солдат, добровольно согласившихся пробраться к нам сквозь немцев, был и мой солдат, тот самый, который был ранен в спину щепкой, когда мы лежали под обстрелом в щели радистов. Кстати, он был из числа освобожденных из тюрем, прибывших к нам с последним пополнением. Этот человек делом доказал, что хочет смыть с себя пятно вора-рецидивиста.

Числа 25—26-го сентября вышел приказ перенести (иначе говоря перекатить на руках) орудия на новые огневые, приблизительно на километр глубже в тыл и направить их для стрельбы по месту, где мы входили в прорыв, которое теперь было захвачено немцами.

28 сентября стало известно, что в ночь на 29-е будет выходить из окружения штаб дивизии, а наши пушки должны были поддержать этот выход, прокладывая огнем дорогу выходящим сквозь толщу немцев. Проходя мимо наших пушек, командир штабной батареи, в которой я некоторое время был командиром взвода, сказал мне: «Ну, может быть мы и выйдем, а вам завтра будет труднее». Так оно и было, но в ночь на 29-е не все вышли, хотя мы и пытались поддерживать их огнем наших орудий. В частности, мое орудие, из-за плохой расчистки сектора обстрела (на батарее остался один топор и одна лопата), стреляло так, что некоторые снаряды рвались на ветках стоящей впереди березы. Кстати, среди не вышедших в эту ночь был и тот Афанасьев, который предрекал мне трудности на следующий день. А день начался

с приказа выходить в ночь на 30-е и тащить с собой орудия (у меня их оставалось 2) на руках. Правда, начальство одумалось, и за два часа до выхода был получен приказ орудия зарыть и выходить с личным оружием. Приказ был выполнен с энтузиазмом, хотя у нас была всего одна лопата и один топор. Посменно, кажется, все солдаты приняли участие в захоронении орудий.

Это был вечер 29 сентября. Полк должен был выходить с остатками своих людей, да еще с разрозненными группами из состава многих других частей, оттесняемых немцами. Место сосредоточения для выхода было выбрано примерно в 500 метрах от последних наших огневых на той же дороге вдоль высоковольтной линии, в километре западнее Черной речки.

Мне с несколькими солдатами было приказано явиться в пункт сосредоточения. Тогда я этого не знал, но, оказывается, решено было выходить, по возможности, без боя, цепочкой или гуськом, по тем местам, где прошли к нам невредимыми солдаты во главе с капитаном Шараповым. Шарапов и должен был вести за собой людей, включая командование полка, уцелевших офицеров и солдат, а также группы из других частей даже не нашей дивизии, оттесненные немцами со своих позиций.

Начинало смеркаться, а часть моих солдат во главе со старшиной оставались на последних огневых позициях. И, что еще хуже, там оставались шестеро раненых солдат и раненый же наш новый комиссар батареи. Это был молодой белорус, только что кончивший курсы политруков, еще не имевший офицерского звания, но замечательный человек — Иван Михеев. В последнее время он был главным моим помощником на батарее. Мне обещали, что за солдатами и ранеными специально кого-то пошлют. Но вечерело, а о них никто не думал. Я заявил комиссару дивизиона, что иду лично за своими людьми. Комиссар сказал, что одного меня не пустит. Тогда раздался голос: «Я с вами, товарищ комбат». (А меня так звали для краткости, так как «товарищ старший воентехник» — звание, которое я формально носил, казалось и неудобным для произношения и неприличным строевому командиру.) Со мной вызвался идти опять тот же солдат, который ранен был лежа подо мной и входил в группу, прошедшую через немецкое окружение с продовольствием для нас. По документам из мест заключения его фамилия была Юнаков, а настоящая, как он уверял, — Слива. По национальности он был айсором. Темнело, когда мы отправились за своими людьми. При этом тот же комиссар дивизиона приказал боеспособных людей вывести, а раненых оставить под надзором санинст-

руктора с автоматом. У остальных раненых оружие изъять. За ними будто бы кого-то уже посылают.

Мы забрали здоровых людей, оставили с ранеными, находившимися в землянке, санинструктора и (читатель может себе представить наше настроение) отправились в пункт сосредоточения. Иван Михеев, несколько дней назад получивший касательное ранение в висок, совсем ослаб и не смог с нами идти. Расставаясь, он попросил меня не разоружать его, оставить ему пистолет. Стемнело, и мы, распрощавшись с ранеными и санинструктором, обреченными, как мы понимали, двинулись в пункт сосредоточения.

Здесь собрались группы солдат из разных частей и подразделений нашей и другой дивизий. Во главе оказалось командование нашего артполка с оставшимися в живых офицерами. В потемках на нас вышли несколько немецких автоматчиков, и, построив из автоматов, отступили, почувствовав, что нас много. Вероятно, нас было более трехсот человек.

Итак, выстроившись цепочкой один за другим, во главе с командованием полка и ведомые капитаном Шараповым, мы впотьмах двинулись к тому месту на Черной речке, где была повалена через нее береза, т.е. был переход. А Черная речка была шириной всего 8—12 метров, но глубокая с обрывистыми берегами. В шинеях не было резона форсировать ее вплавь. Но переход через нее знал только Шарапов.

Цепочка наша двигалась молча, часто ложась под освещением немецких ракет на парашютиках. Как они погаснут, мы снова движемся, иногда держась за плечи идущего впереди. Я шел часто даже не в середине, а в задней половине цепочки. И вот, залегши и встав два раза, я обнаружил, что впереди меня два солдата, которые залегли и отстали от ушедших вперед. Цепочка сзади меня начала волноваться — почему не идем. При свете ракет было обнаружено, что я — командир с тремя кубиками. Собравшись вокруг меня, солдаты решили, что это я их возглавляю, и потребовали, чтобы я их вел дальше. Пройдя по цепочке назад, я обнаружил, что под моим командованием более ста человек. Я потребовал от них безусловного подчинения. При опросе в цепочке не назвался ни один офицер (тогда просто командир). Задержка наша взяла полчаса, и теперь догнать ушедших вперед шансов не было.

Я встал впереди и повел людей за собой, зная только по карте конфигурацию Черной речки, которую предстоит преодолеть. В одном месте у реки нас обстреляли пулеметом, в другом один из нас, оказав-

шийся младшим лейтенантом, подорвался на противопехотной мине, и мы опять были обстреляны из пулеметов. В этом месте нас реже освещали ракеты-фонарики. Наконец я набрел на поваленную через реку березу. Приказал переходить и сосредоточиться на том берегу. Опять убедился, что нас более сотни. В этом месте оказались траншеи не полного профиля, и я решил немного отдохнуть перед броском на бывшую деревню Гайтолово. Направление я выбрал по звездам. Но нас здесь накрыли интенсивным минометным огнем, а после его прекращения стали обтекать немецкие автоматчики. Надо было немедленно подниматься и бросаться в атаку, но я оказался на дне пулеметного гнезда вместе со своим солдатом Юнаковым, а на нас сверху навалились застигнутые минометными разрывами еще два человека. С трудом удалось поднять их и поднять других людей из траншей для рывка в ночной атаке на прорыв окружения. Тут оказался еще один офицер — младший политрук — молодой парень в одной гимнастерке без пилотки, с которым мы и подняли людей в атаку.

В нас палили из всех видов оружия, а нашим главным оружием оказалось «Ура!», да бывшие кое у кого гранаты, так как во время минометного обстрела, когда мы находились в траншеях, землей забросало не только замки автоматов, но и затворы винтовок. Так, затвор бывшего в моих руках карабина так и не закрылся. Мы так истово рвались вперед и так надсаждались в «Ура!», что через пять минут политрук совершенно потерял голос. Главной нашей заботой было, чтобы люди под огнем не залегли. Впереди справа мы слышали жаркий бой. Это товарищи, от которых мы отстали, взяли правее чем надо было, и нарвались на организованную оборону немцев, преодолеть которую им стоило, как выяснилось, бо́льших потерь, чем нам. Там погибли командир полка, начальник штаба и несколько офицеров, не говоря уж о солдатах. Беда их состояла в том, что им не удалось залечь перед кинжальным и перекрестным пулеметным огнем. Вечная память товарищам!

Немцы непрерывно освещали нас ракетами и бешено обстреливали. Рядом со мной падали люди, тем не менее с воплями «Ура!» мы рвались по направлению к Гайтолово. Скоро я потерял из виду младшего политрука, но зато отличился тот самый солдат Юнаков, о котором здесь уже упоминалось. Когда я командовал впереди, он подгонял отстающих, когда я это делал, он командовал впереди за меня, а ночью в суматохе боя не разбирались, кто командует. Важно было не растянуться и не рассеяться в мелколесье поймы Черной речки, а действовать концентрированно.

Перед рассветом мы уже прорвались, перепрыгивали через окопы нашего боевого охранения. И спускались на обратный склон Гайтоловских высот. Вышло несколько десятков человек. Там нас уже встречали и направляли по своим частям. Здесь я должен сказать о своем командире батареи Иване Пашкове. Он выходил с первой группой, от которой мы отстали. Однако он с несколькими солдатами оторвался как-то от основной группы и пробивался в несколько ином направлении. Так вот, в ночном бою Пашков был тяжело ранен, но два солдата тащили его на себе сквозь бой и вытащили. Вот какие были у нас командиры! Рискуя собственной жизнью, солдаты несли командира из боя. Но ведь в этом едва ли не бо́льшая честь солдатам. Вот какие были солдаты!

После выхода, где-то в нескольких километрах в тылу, выстроили полк. В нем осталось несколько офицеров и несколько десятков солдат, главным образом из тыловиков, не бывших в окружении. Не было возможности укомплектовать командным составом даже один дивизион. Тем не менее дивизион был создан, и я был назначен начальником его штаба. Полк и всю дивизию перевели глубже в тыл на формирование.

Не могу не упомянуть здесь один эпизод. На пути в тыл мы стали на ночевку. Шел дождь. Мне надо было разместить людей, накормить их, позаботиться о светомаскировке, расставить караулы. Поздно ночью я смог прилечь под елкой и поспать. Дождь продолжался. Еще не уснув, я почувствовал, как часовой, сняв с себя плащ-палатку, укрывает меня ею. Я не подал вида, что не сплю. Но этот жест солдата по отношению к командиру на всю жизнь остался для меня дороже всяких орденов.

Остановившись на формирование, километрах в 20—30 от передовой мы получили приказ дать характеристики уцелевшим солдатам на снятие судимости с пришедших к нам на пополнение из мест заключения. Мне предстояло писать характеристику на не раз уже упомянутого здесь Юнакова. Я написал коротко: «Если я получу боевое задание, связанное с опасностью для жизни, и спросят меня, кого бы я взял себе в товарищи, я отвечу — прежде всего Юнакова». В политотделе моя характеристика вызвала одобрение, и материалы на снятие судимости с Юнакова были отправлены в соответствующие инстанции. Но Юнаков у нас не дождался результатов. У него вдруг катастрофически стало падать зрение. Направили его в медсанбат, оттуда в госпиталь. И так я больше не знаю о судьбе одного из лучших моих солдат.

Кончилась война. Шли годы. Саперы долго продолжали разминировать районы боевых действий на Волховском фронте. Разминирование шло не без жертв. Долго подрывались на минах и жители окрестных селений, и сами саперы. На кладбищах таких поселков, как Назия, Апраксин, Славянка добавилось изрядное число солдатских могил.

Мне хотелось посетить места боев сентября 1942 года и мысленно поклониться лежащим там солдатам. Но мой приятель, служивший в штабе Ленинградского военного округа, предостерегал меня от такой экскурсии, так как там могли остаться неразминированные поля, и тем более отдельные мины. Наконец, весной 1961 года, спустя почти 19 лет, я с товарищем из Зоологического института — моим постоянным охотничьим напарником — приехали на станцию Апраксин и через бывшую деревню Тортолово отправились к бывшей деревне Гайтолово посмотреть на места наших прошлых боев и выхода из окружения.

На месте бывшего Эстонского поселка вырос уже большой дачный поселок Апраксино. Вокруг него, и в частности севернее, где мы воевали, люди давно косили сено, собирали ягоды и грибы, а места еще кишели оружием, неразорвавшимися снарядами и минами, другим военным снаряжением, а главное — человеческими костяками, особенно черепами, хорошо видными на чуть пробивавшейся травке. Особое впечатление на меня произвели многочисленные скелеты близ дороги, ведущей от Тортолово на Гайтолово, где и сложили головы мои товарищи, с которыми мы начали выход из окружения и от которых отстали. По моим представлениям, они выходили именно здесь.

Скелеты лежали группами, в одиночку, почти целые и разрозненные временем и непогодой. Особенно бросались в глаза, как более крупные объекты, черепа. У меня был фотоаппарат, и некоторые костяки я снял.

До бывшего Гайтолова дойти нам не удалось из-за заросших мелким лесом, опутанных колючей проволокой и содержащих много ржавого железа бывших траншей. Мы повернули к дому лесника (он и теперь там стоит) на высоковольтке, и по дороге, по которой я водил батарею в прорыв, пошли искать бывшие мои огневые позиции. Нашли мы там массу трофеев войны. Попадались и снарядные гильзы, и коробки из-под патронов, и термосы для пищи, и котелки, а главное — я нашел мою батарейную кухню, изрядно поломанную, но на том же месте, где мы ее оставили. Нашли мы и пирамидку хомутов,

которую сложили вокруг пенёк, когда в первый же день у нас убило 14 лошадей. И нашел я высокий пенек сосны, на которой разорвался снаряд над щелью радистов, где мы лежали, и где подо мной был ранен Юнаков. Но скелетов на бывших огневых позициях не было. Нашли мы и знакомые мне воронки от тяжелых бомб. В частности, нашли и ту, которая образовалась на месте офицерской землянки, из которой выбросило живым только упоминавшегося мной лейтенанта Сергина.

В лесу по обеим сторонам дороги вдоль высоковольтки опять попадались костяки и черепа. Об одном не могу не сказать. Лежала каска, а в ней еще застегнутый ремешком череп. Я сразу вспомнил, что накануне нашего выхода, т.е. 28 сентября, когда выходил штаб дивизии, мимо меня проходил бывший мой командир батареи Афанасьев, и он был единственным человеком в каске, кого я видел тогда. Все мы, и солдаты, и офицеры, были в пилотках. Вот у этой каски, перетянувшей в себя отгнившую голову, мне стало особенно грустно. А вообще касок в тех местах было много, но их оставили воевавшие здесь в 1943 году.

Виденное мной я описал в письме в «Литературную газету» и приложил фотоснимки. Газета письмо не напечатала, а прикомандировала ко мне ленинградского писателя Петра Ойфу, чтобы я показал ему все на месте.

Приехали мы с Ойфой на место, но показать ему я мог только южную периферию описываемого мною района. Дело в том, что Ойфа был в ботинках, а требовались резиновые сапоги. Однако подержал он в руках и остатки мин шестиствольного миномета, и стволы наших винтовок, и пулеметные ленты и поглядел на черепа, на кости.

В «Литературной газете» появилось не мое письмо, а его статья. Как литератор, он кое-что преувеличил, в чем-то ошибся, сгустил краски, а главное — придал мне незаслуженные доблести.

После публикации я получил приглашение показать те же места представителям Тосненского военкомата. Мы с капитаном сели на телегу, которой правил апраксинский лесник. Пока ехали к бывшему Тортолову, я вводил капитана в курс дела. А лесник, местный житель и в довоенные времена, добавил: «Это что, а ведь в сорок пятом, когда я вернулся домой, эти ребята лежали еще в шинелях». А когда я их видел, даже ременные детали снаряжения уже сгнили, остались только металлические.

Капитан не все, но многое увидел.

По решению областного Совета и областного военкомата в 1962 году был организован сбор костяков. 250 человек военнообязанных

цепями ходили по указанным мною и другим соседним местам и собрали более 4 тысяч костяков. Так мне сказали в редакции «Литературной газеты», когда в следующий раз мне случилось там побывать. В газете был опубликован и официальный ответ мне. В нем указывалось, что собранные кости захоронены в Синявине в братской могиле.

С тех пор, пока позволяло здоровье, я каждый год ходил на эти печальной памяти места. По ним прошли и жестокие бои 1943 года по освобождению Ленинграда от блокады. Вероятно, и они добавили костячков к нашим. Спустя годы на этих местах появились могилы известных по именам и неизвестных солдат, памятные знаки и даже памятники павшим в боях в 1943 году, но нигде не сказано, что в сентябре 1942 года здесь насмерть стояла 294-я стрелковая дивизия и в ее составе наш 849-й артиллерийский полк.

СПАСИБО И ВЕЧНАЯ СЛАВА НАШИМ СОЛДАТАМ!

9 ноября 1987 г.

Л.И. Лавров

ИЗ ЗАПИСОК ОПОЛЧЕНЦА

В начале июля 1941 года вместе с другими сотрудниками Института этнографии Академии наук СССР я вступил в армию народного ополчения. Восемнадцатый отдельный пулеметно-артиллерийский батальон (позже ставший 277-м), куда меня зачислили командиром взвода, формировался в помещении Академии художеств. Взвод состоял из ученых, молодых рабочих табачной фабрики имени Урицкого и студентов Ленинградского университета.

18 июля мы покинули Ленинград и пешком направились к станции Дудергоф. На южных склонах Вороньей горы и у железной дороги из Лигово на Гатчину заняли оборону. Но вскоре нам пришлось перейти на другой рубеж, к северу от Ропши.

Сотни ленинградских женщин рыли глубокий противотанковый ров и эскарпировали склоны высоты. Спешно сооружались доты и дзоты для пушек и пулеметов, которых мы еще не имели. Нам не хватало самого необходимого, и ополченцы как могли восполняли недостаток снаряжения. Помнится, один из командиров привез откуда-то набор слесарных инструментов. Кому-то удалось раздобыть телефонные аппараты и кабель. В одном из ремесленных училищ нам изготовили машинки для набивки пулеметных лент...

Я обратился за помощью к академику И.И. Мещанинову, возглавлявшему тогда ленинградские учреждения Академии наук. Он разрешил выдать теодолит, несколько биноклей и карты. Помогли нам и сами сотрудники Института этнографии. Они принесли свои бинокли

Леонид Иванович Лавров, доктор исторических наук, крупнейший специалист по этнографии народов Кавказа, заведующий Отделом Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Капитан, воевал на Ленинградском фронте. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда» и другими.

и карты дачных пригородов. А вдова известного этнографа Л.Я. Штернберга принесла даже... подозрную трубу своего мужа.

Особенно много ученых находилось в составе Василеостровской дивизии народного ополчения. Василеостровская дивизия, в силу особенностей своих контингентов, стала дивизией рабочих, ученых, студентов...

Вместо официального армейского языка первое время здесь обращались друг к другу по имени и отчеству, а в приказах фигурировали «пожалуйста», «прошу вас», «не откажите»... В этом была какая-то своя непередаваемая прелесть, вытекавшая не из слабости дисциплины, а из простоты и задушевности отношений, установившихся в частях Армии народного ополчения.

В начале сентября мы получили долгожданные пушки и пулеметы. Орудия доставили прямо с Кировского завода. Это оказались танковые пушки, приспособленные для размещения в дотах и дзотах.

Две 76-миллиметровые пушки были установлены в бронированных дотах. В пяти дзотах поставили «сорокапятки». В четырех дзотах — станковые пулеметы. «Вне плана» батальон получил две полевые 76-миллиметровые пушки, очень пригодившиеся впоследствии. Наше тяжелое вооружение дополняли две вкопанные в землю танкетки с 45-миллиметровыми пушками и ручными пулеметами Дегтярева.

Особенно трудными были сентябрьские бои. В сентябре немцы замкнули кольцо вокруг Ленинграда, захватив Шлиссельбург. В то же время они обрушились на наши части, стоявшие в обороне под Стрельной и Петергофом. В течение нескольких дней начиная с 11 сентября оборонные и эсэсовские части непрерывно атаковали наши позиции, в атаках принимали участие танки, авиация. Ополченцам приходилось защищаться с «перевернутым фронтом»: амбразуры дотов и дзотов смотрели на юг и юго-запад, а немцы лезли с востока и северо-востока. Четверо суток ливень пуль и снарядов обрушивался на защитников города. А ведь это не были кадровые бойцы. Когда в один из напряженнейших моментов немцы подошли особенно близко, остался один выход — дать по телефону команду: «Огонь на нас!». Выдержали. Но силы таяли. Немцы прорвались к берегу Финского залива, отрезав Ораниенбаумскую группировку, отрезанным оказался и наш батальон. От батальона в 700 человек осталось около 70, потом нас стало еще меньше. Была дана команда отходить на новые рубежи. С этих рубежей — в районе Старого Петергофа — защитники уже не сделали ни шагу назад. В октябре мне пришлось участвовать в атаках на Новый

Петергоф в поддержку легендарного десанта кронштадтских матросов и в других боях. Первое ранение. В 1944 году с этих позиций защитники города пошли в наступление на немецкие войска, блокировавшие Ленинград.

В декабре часть отвели в Ленинград на несколько дней. Я был на Выборгской, семья — на улице Декабристов. Что с ней — я не знал, но так и не смог навестить, нельзя было оставить солдат.

Начиная с середины декабря и до середины января как командир минометной роты принимал участие в попытках прорвать немецкие позиции в районе Колпина. Затем Дорогой жизни часть перебросили на Большую землю. Здесь, во второй половине 1942 года участвовал в одной из первых попыток войск Волховского фронта прорвать блокаду Ленинграда. Наступление было начато у станции Погостье, недалеко от Любани. Длительные, кровопролитные бои тогда не принесли успеха. Но немцы поняли, что и они дальше не пройдут. И не прошли. Город на Неве как нерушимый бастион выстоял все 900 дней жестокой блокады. Под Погостьем осколок немецкой мины вывел меня из строя. Госпиталь. А затем новые военные пути-дороги, но уже не под Ленинградом.

И.Я. Треногов

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

Илья Яковлевич Треногов, заведующий Отделом фондов. Подполковник, участвовал в боях на Ленинградском, Волховском, Карельском, 1-м Дальневосточном фронтах. Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Заполярья» и другими.

25-го утром я был уже в Ленинграде. Только 40 минут пришлось побыть дома с семьей. В Институт забежать не удалось. Переодевшись, взяв на скорую руку кое-какие вещи, я поехал в Ораниенбаум (сейчас г. Ломоносов) на место приписки 1-го железнодорожного полка. В штабе при распределении получил назначение в команду 40-го отдельного железнодорожного батальона командиром взвода подрывников.

Так уж сложилось, что значительная часть моей жизни была тесно связана с Красной Армией. Впервые я был призван еще в 1932 году. С апреля по октябрь прошел действительную службу в 1-м железнодорожном полку г. Ораниенбаума. За это время в составе команды одногодичников подготовился и сдал экзамены на среднего командира и был уволен в запас. Переподготовку проходил каждый год.

В 1939—1940 годах я принимал участие в освобождении Западной Белоруссии в составе 14-го отделения железнодорожного батальона Белорусского военного округа в должности командира роты (звание младшей лейтенант), воевал с белофиннами.

И, наконец, Великая Отечественная война... Известие о начале войны застало меня в здравнице Одессы, где я успел прожить около двух недель. С большим трудом достал билет на 23-е число на Ленинград. Три дня был в пути наш поезд, уступая дорогу военным эшелонам. Ехали мы в «сопровождении» немецкого самолета, однако нас не бомбили.

С 26 июня по 12 июля прошел военную подготовку. Учился сам, учил бойцов, как бросать гранаты, бутылки, и другим подрывным премудростям, в том числе умению пользоваться путеразрушителем системы «Червяк». 12 июля я и мои 32 бойца получили первое боевое задание — после отступления наших войск взорвать участок железной дороги вместе с мостами и переездами.

И вот в составе минно-заградительного отряда выехали мы на станцию Батецкая. Нашу деятельность мы были вынуждены начать с разрушений. Но война есть война. Всякое бывает. Рвали, уничтожали, портили и одновременно глотали слезы от обиды — уничтожали ведь свое, кровное. На станции Батецкая взорвали мост длиной около 60 метров, переезды и отдельные участки железнодорожного пути.

2 августа, получив новое задание, я с частью бойцов своего взвода выехал со станции Батецкой на станцию Мойка (железнодорожный участок Новгород—Батецкая). Здесь мы должны были, в случае необходимости, взорвать мост через реку Мойка, стрелочные переводы, связь и другие сооружения станции. Такая необходимость скоро возникла. 14 августа 1941 года немцы заняли соседнюю станцию Люболяды, 15-го рано утром два немецких танка в сопровождении мотоциклистов появились на переезде у нашей станции, а около 9 утра мы взорвали железнодорожный мост через реку Мойка. Задание было выполнено. Мы отошли к станции Оредеж, где и присоединились к своей роте.

А дальше, к сожалению, нашей роте, как и всему батальону, пришлось отступать. 28 августа мы прибыли в Павловск. Вскоре я получил задание от командира батальона майора Михайлова: подобрать из бойцов своего взвода команду и выехать на станцию Еглино железнодорожного участка Павловск—Новгород. Нашей задачей было — сменить команду подрывников 22-го отдельного железнодорожного батальона и, исходя из обстановки, подготовить и, в случае необходимости, взорвать железнодорожные мосты на перегоне Еглино—Лустовка. Всего 6 мостов — через речки Еглинка, Костенка, Сярды и другие.

В ночь на 29-е в составе команды подрывников из 30 человек (считая и меня) и команды «Червяка» во главе с лейтенантом Кирьятским выехали мы из Павловска. В 17.00 были уже на месте на станции Еглино. Старший команды подрывников 22-го отдельного железнодорожного батальона старший лейтенант А.И.Максимов передал мне подрывное имущество и инструмент. Путеразрушитель «Червяк» был сломан и бездействовал. Два дня закладывали мы заряды в мосты и верхние строения пути. Около каждого моста я оставил пост

из 4—6 бойцов в зависимости от величины моста. Бойцы лейтенанта Кирьятского были оставлены в резерве, так как не имели конкретного задания.

К концу дня 31 августа обстановка вполне определилась — наши войска отступили, враг занял Лустовку, и мы оказались отрезаны. Я дал команду взрывать мосты. Ближайшие к Лустовке мосты были взорваны утром 1 сентября, остальные — в ночь на 2-е. Тогда же на станции Еглино мы взорвали два исправных паровоза, вагоны, платформу. У меня случайно оказалась с собой подобранный из горевшего вагона на станции Батецкая топографическая карта этого района и компас. Надо было срочно выходить из окружения. Ориентируясь по карте, мы пошли в лес в сторону Любани, там мы думали пересечь шоссе и железную дороги Ленинград—Москва и далее по лесной и малонаселенной местности выйти к своим. Такой путь мы вынуждены были избрать потому, что практически были почти без оружия: по 15—30 патронов на человека и всего несколько штук обыкновенных гранат.

В лесу нас остановил командир с одним ромбом в петлице и приказал задерживать отходящих красноармейцев. За короткое время было собрано около 250 человек, из которых сформировали подразделение. Однако боеприпасов и продовольствия не было.

Вначале мы шли все вместе, но на подходе к Любани разделились на группы по 8—10 человек: небольшими группами легче было пересечь шоссе и железную дорогу Ленинград—Москва, сплошь занятую потоком немецких машин с людьми и техникой, которые двигались в сторону Москвы. Мы условились выходить на Волховстрой и там встретиться. Среди наших красноармейцев были местные жители из Волховстроя, они знали эти места и тем облегчили наше положение. Договорились оружие сохранить в обязательном порядке.

Со мной осталась группа из 7 человек, я — восьмой. Здесь же был и лейтенант Кирьятский. Питались ягодами и грибами.

7 сентября наша группа подошла к поселку Любань. День был воскресный, многие жители, главным образом ребятишки, ходили по лесу, собирая грибы и ягоды, с некоторыми из них нам удалось поговорить. Но ничего нового и утешительного мы от них не узнали.

В ожидании темноты залегли на опушке леса за поселком и только около 10 вечера пересекли шоссе и железную дорогу Ленинград—Москва. Некоторое время шли вдоль железнодорожного полотна в сторону Ленинграда, железная дорога тогда бездействовала. К рассвету свернули в лес и пошли на север вдоль очень большого и топкого болота. Только через несколько дней мы наткнулись на тропинку, которая привела

нас к броду через болото. Брод представлял собой продольный настил из одной-двух жердин. Вооружившись палками для опоры и дождав-шись темноты, мы переправились на противоположную сторону боло-та. Эта сторона болота возвышалась грядой, тянувшейся вдоль всей кромки болота. Неподалеку виднелся какой-то поселок и шоссе-ная дорога, по которой двигались немецкие машины в сторону Ленингра-да. Той же ночью мы пересекли это шоссе и углубились в лес в на-правлении торфоразработок Назия.

К концу дня 11 сентября мы пришли в рабочий поселок торфораз-работок. Весь следующий день приходили в себя после нашего изнури-тельного похода, а утром 13 сентября пешком по узкоколейной же-лезной дороге добрались до станции Жихарево. Там нам сказали, что в Ленинград ходу уже нет. Попереживали, услышав это известие. За-тем пришедшие с нами красноармейцы отправились на пересыльный пункт, а мы с лейтенантом Кирьятским в ночь на 14 сентября выеха-ли в Волховстрой. Разыскав начальника ВОСО 54-й армии полковника А.Г. Чернякова, доложились ему, кто мы такие. Первое, что он сде-лал, — отправил нас в железнодорожную роту, находившуюся на стан-ции Волховстрой, и приказал поставить на довольствие и «вообще под-кормить». Последнее нам было очень кстати. Представьте себе, как мы выглядели, питаясь около двух недель грибами, иногда ягодами и кар-тошкой.

16 сентября на пересыльном пункте узнали, что наши бойцы, с которыми мы разъединились, прибывают. Часть из них уже была на-правлена к новому месту службы. 10 наших бойцов были направлены в составе 2-й роты на Ладогу, другие еще ждали своего назначения.

После соответствующей проверки, как вышедших из окружения, полковник А.Г. Черняков направил нас к постоянному месту службы: лейтенанта Кирьятского — на станцию Волховстрой, меня — диспетче-ром в ЗКРС-58 на станцию Тихвин. Так кончилась моя богатая разны-ми событиями служба в железнодорожных войсках, служба, совпав-шая с первыми месяцами войны.

А дальше мой воинский путь складывался так: служил в органах ВОСО в ЗКРС-78, затем был взят в Управление ВОСО Волховского фронта, где служил вплоть до его расформирования в должности воен-ного диспетчера, помощника начальника 1-го отдела и старпома на-чальника 2-го отдела (перевозок), затем на Карельском фронте в дол-жности начальника оперативной группы, по указанию фронта регули-ровал движение эшелонов и военных транспортов на станции Вологда. После расформирования Карельского фронта весь личный состав ВОСО,

в том числе и я, были зачислены в резерв (февраль 1945 года). Меня назначили начальником 3-го отделения Управления ВОСО Резервного фронта.

В июне 1945 года все Управление было переброшено на Дальний Восток в г. Уссурийск и вошло в состав 1-го Дальневосточного фронта. В этот период я был на партийной работе. Демобилизовался в августе 1946 года в звании подполковника и вернулся в Институт.

Г.Д. Вербов

ПИСЬМА С ФРОНТА СТУДЕНТКАМ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛГУ¹

1 ноября 1941 г.

Дорогие товарищи!

Наконец-то я собрался вам написать! Вот уже четыре месяца, как я в армии. За это время порядком пришлось повидать, пережить и поработать (конечно, уже по новой специальности). Около месяца был на инвалидном положении (правда, не в госпитале), так как сильно расшиб ногу, когда выходил из-под обстрела и ухитрился упасть в глубокий полевой колодезь, в котором преслучайно не утонул (дело было ночью). Сейчас опять вполне здоров, если не считать, что плохо вижу в темноте (результат снежной слепоты, приобретенной на Севере).

Как ваши дела? Идут ли у вас занятия? От Георгия Николаевича (Прокофьева. — *Ред.*) я совсем не получаю писем, хотя сам ему писал. Занимается ли он с вами?

Независимо от того, идут ли у вас занятия по специальным предметам, сами не зевайте, пользуйтесь имеющейся литературой и обязательно при наличии хотя бы маленького досуга читайте указанную и не указанную мною северную литературу. Если вы будете это делать не в ущерб вашим новым нагрузкам

*Григорий Давыдович Вербов,
кандидат филологических наук,
заведующий Отделом Сибири.
Убит в бою в 1942 году.*

¹ Г.Д. Вербов (1909—1942) работал перед войной старшим научным сотрудником Института этнографии АН СССР. Одновременно в 1939—1941 годах он преподавал ненецкий язык и читал курс этнографии ненцев на этнографическом отделении филологического факультета ЛГУ. Студенты, поступившие в 1939 году на это отделение, специализировались по этнографии народов Средней Азии и Севера (палеоазиатских и самодийских). У Г.Д. Вербова занимались три студентки: Е.В. Рихтер (ныне сотрудник Института истории в г. Таллинне), Л.В. Хомич (Васильева) — сотрудник Института этнографии АН СССР и С.Б. Горфинкель (в период войны перешла в медицинский институт). — *Ред.*

(военным), то ничего плохого не будет. Следите также за новинками, если таковые появляются. Свою специальность можно, сообразно с обстоятельствами, отвести на самый задний план, но забывать о ней никогда нельзя, ни на один день. В этом и заключается «северное» упорство и т.д. (наверно вспоминаете мои «проповеди»).

Обязательно напишите мне обо всем подробно. Желаю вам бодрости, здоровья и успехов во всех ваших делах. В первом я, впрочем, и так уверен. Не сомневаюсь, что мы с вами еще увидимся и даже совершим рано или поздно все вместе первую для вас и, надеюсь, не последнюю для меня экспедицию.

Жму руки.

Ваш Г. Вербов.

Привет И.И. Маркон, Г.Н. Прокофьеву, С.Н. Стебницкому, «корякам» и всем, всем. Напишите обязательно.

12 ноября 1941 г.

Дорогие товарищи!

Очень был рад вашему письму. Теперь по крайней мере знаю, что вы все живы, здоровы, находитесь в Ленинграде и понемножку занимаетесь. Из вашего письма я извлек, правда, ответы далеко не на все мои вопросы. Вы мне все же напишите: 1) Если селькупский язык преподает Г.Н. Прокофьев, то как его здоровье и на какой адрес ему лучше написать. Я писал на Институт, но ответа не получил; 2) Занимаетесь ли вы ненецким языком самостоятельно или с Георгием Николаевичем? Второе, конечно, было бы для вас лучше. Бываете ли у нас в Институте? Цел ли район ЛГУ? Работает ли кафедра этнографии? Я писал И.Н. Винникову, но ответа не получил. Привет А.А. Попову. Где Стебницкий?

Мои дела без особых перемен. Единственное приключение за последнее время было такое: нес вечером котелок с супом. Шел изрядный арт. обстрел. Один снаряд пролетел так низко, что пришлось срочно «приземлиться». Сердце замерло при мысли, что суп выльется (вторую порцию не дадут). Однако я лег удачно — донес суп в сохранности. Снаряд же упал и не разорвался. Такого «брака» у немцев появилось в последнее время порядочно.

Обязательно напишите мне. Всем привет. Желаю успехов.

Ваш Г. Вербов.

22 ноября 1941 г.

Дорогие товарищи Васильева, Горфинкель, Рихтер!

Сегодня, к великой моей радости, получил от вас письмо от 18/11. Был прежде всего рад тому, что вы все живы и здоровы. Это главное.

Теперь начну, как говорится, с конца. Ваша подпись «неудавшиеся ученицы» может иметь только преходящее значение. Я не допускаю мысли, что после войны вы не продолжите начатое. Думаю, что и вы того же мнения. Очень надеюсь, что вы держите в голове,

в душе, или уж не знаю, как это называется, непоколебимое стремление, образцы которого в достаточной степени показали нам покойные Лев Яковлевич Штернберг, Владимир Германович Богораз, не говоря уж о «высокоширотных» полярниках, произведения которых вам отчасти знакомы. Выдержка и воля заключаются, мне думается, не только в твердом стремлении завершить дело, когда уже им занят, но и в готовности жить и ждать (и обязательно дожидаться) того времени, когда к делу можно приступить или продолжить его, если оно прервано. Вспомните Наташу Котовщикову, историю которой я изучал в архиве АН СССР. Она не смотрела назад, а только вперед и перестала заниматься своим делом только тогда, когда упала, не дойдя даже до палатки. Не сомневаюсь, что мои «неудавшиеся» ученицы удадутся вполне, но победа, как говорят, не приходит сама.

Что касается вашей занятости, то мне это понятно. Оборона — дело общее. Но если у вас есть время, то часть его нужно использовать. После войны на Севере нужна будет большая работа, и важно, что у вас будет уже известная подготовка.

Мне несколько труднее заниматься здесь штатскими делами, но все же ухитрился раздобыть популярную книжку Никольского («Детство человечества») и прочесть ее. Раздобыл даже оба тома Ратцеля и немного заглядываю туда. В полевой сумке вожу свой ненецкий словарь, в который иногда (просто для развлечения) заглядываю. Спать здесь приходится немного, но когда расстлано шинель и укладываюсь, то вперемежку с мыслями о боевых делах и перспективах войны, о доме, об Институте и о вас, перебираю в памяти нерешенные вопросы нашей северной этнографии, эпизоды своей тундровой жизни и иногда так размечаешься, что кажется, словно холод, забирающийся за ворот, ползет от основания шестов чума, из «ханзо»; кажется, что сейчас послышится привычный сухой стук, который производят олени, ударяясь рогами о рога, когда подерутся, ночью бродя возле чума в поисках деликатесов. Стук раздается, но он громче и суше, — разорвался очередной немецкий снаряд.

Работаю много, сколько могу. Сейчас это нужно как никогда. Уверен, что наша борьба закончится полной победой. Нас здесь очень воодушевляет спокойствие и выдержка находящихся за нами вас — ленинградцев. Ни в ваших письмах, ни в письмах из дома или из Института я не вижу и тени жалоб на тяготы войны и блокады. Все ведут себя (даже в письмах) спокойно и уверенно. Так и надо. Будем и впредь держаться так же. Жить мы любим, а смерти не боимся.

Желаю вам успехов и бодрости. Наша встреча не за горами.

Ваш Г. Вербов.

29 ноября 1941 г.

Вчера получил ваше письмо и, как всегда, был очень и очень рад. Соответствующим образом и улыбался, а не саркастически, как вы думаете. Насчет Севера вы пишете правильно, очень надеюсь, что и думаете так. Селькупским надо будет заниматься как следует, тем

более, что Георгий Николаевич частенько болеет и, в случае пропусков занятий, надо самим не сидеть сложа руки. Да, имейте в виду, что II том Миллера вышел перед самой войной, и его тоже можно достать. У Миллера пока стоит посмотреть те места, которые связаны с нашими народами и районами. Хорошо, если бы вам разрешили заниматься в библиотеке нашего Института. Надеюсь, что Георги там, например, есть. Неплохо бы вам прочесть Н.В. Латкина «Дневник путешествия на Печору». Напечатано это в Записках РГО. Было бы очень хорошо (рано или поздно это будет необходимо) заняться следующей работой — просмотреть журналы: 1) «Северная Азия» (выходил с 1925 по 1930 г.); 2) «Советский Север» (выходил с 1930 по 1935 г.); 3) «Северная Арктика» (выходит, кажется, с 1935 г.); 4) «Известия (?) Архангельского общества по изучению Русского Севера» (выходил приблизительно с 1908 по 1917 или 1918 г.). В этих журналах вы найдете много статей, посвященных ненцам. Так как при просмотре вы будете иметь дело только с заголовками, то обращайтесь главным образом на район. Если район «подозрителен» — загляните в статью непременно и почти всегда найдете (хоть немножко) по интересующему вас вопросу. При просмотре, как бы медленно и урывками он ни производился, следует придерживаться следующих правил: 1) номера журнала (с указанием года), которые просмотрены, следует отмечать на особом листке, заведенном для данного журнала. Тогда не будете сбиваться и дважды проделывать одну и ту же работу; 2) нужно статью выписывать на библиографическую карточку. При чтении статей, как впрочем и книг, всегда обращайтесь внимание на ссылки в тексте внизу и берите их на заметку, чтобы просмотреть те книги и статьи, которые, судя по ссылке, того заслуживают. Если не будете этим пренебрегать, то у вас получится своего рода библиографический *perpetum mobile*.

Мои дела идут по-прежнему. Работы так много, что письма пишу, когда все спят. Иначе не выходит. Огорчены наступлением оттепели — нам мокро и немцам теплее. Думаю, что это не надолго.

Желаю вам успехов. Жду опять письмеца. Если есть или будут вопросы, в разрешении которых сумею помочь, — пишите. Когда получая от вас письмо — сразу бодрости прибавляется.

Жму руки.

Ваш Г. Вербов

27 декабря 1941 г.

Дорогие товарищи!

Спасибо за ваше письмо от 23/12, которое я вчера получил, и за ваше поздравление с Новым годом. Отвечаю вам тем же. Вы пишете как настоящие ленинградцы, а это звание чего-нибудь да стоит. Вижу, что духом не падаете.

У меня все по-прежнему. Работаю порядочно. Немцев понемногу подталкиваем. Им прохладно. Особенно по ночам. Выйдешь — луна в круге — «һэһэнван», блестит снег, белеет река, словно в тундре.

Только не хватает пасущихся оленей. Разница еще в том, что почти непрерывно тишину пререзают автоматные очереди, перемежаемые более солидными голосами тяжелых пулеметов. Вздвигается к темным облакам и сверкает, медленно падая, ракета: немцы боятся и по ночам стараются все время освещать подступы к своим берегам. Изредка гремит оружейный выстрел. Одному из таких выстрелов я обязан каллиграфическими прелестями моего сегодняшнего письма. Проклятые немцы перебили электрический кабель. Поэтому темно-вато, и я пишу почти наугад.

Передайте всем привет и поздравления с Новым годом.

Ваш Г. Вербов.

Жду писем.

14 февраля 1942 г.

Дорогие товарищи!

Очень и очень огорчен полным вашим молчанием. Оно настолько затянулось, что я теряюсь в догадках и беспокоюсь о вас всех. Что случилось? Обязательно сообщите мне немедленно. Если это что-нибудь неприятное и печальное, то пусть уж я узнаю наконец, в чем именно дело. Итак, я жду.

1 февраля был несколько часов в Ленинграде. Заходил в Институт и ЛГУ, но так как было воскресенье, ничего не добился, все было закрыто. Узнал весьма печальные новости. Первая из них явилась для меня очень большим ударом: скончался Георгий Николаевич. С тех пор, как я это узнал, прошло уже две недели, но мне стоит больших усилий собраться с мыслями и что-либо писать об этом. Не хочу уж писать о том, чем я обязан Г.Н., думаю лишь о нем, как о товарище, с которым меня связывала 12-летняя работа и дружба, и о том, как сейчас осиротела наша отрасль науки. Много нужно будет работать, чтобы восполнить образовавшуюся брешь. Принимаю меры к спасению и сохранению рукописных материалов Г.Н., которым цены нет. Написал об этом дирекции Института. Помните, товарищи, что тем из нас, кто останется в числе живых, выпадет на долю заменить Георгия Николаевича, и мы должны будем это сделать. Если у вас на руках остались какие-либо тексты, программы, ваши тетради, писанные или правленные рукой Г.Н., — тщательно сохраните их.

На нашем фронте успехи, хоть и не быстро, растут. Вы это чувствуете хотя бы по скромному улучшению на продовольственном фронте. Дальнейшее не за горами. В этом я твердо уверен.

Сейчас ночь. Немного кружится голова, так как курю, что в последнее время удается делать не часто. В окошко, которое я закопил бумагой, бьет ветер и доносит привычную трескотню пулеметов.

Работу кончил. Отложил в сторону метеорологические наставления. Ими сейчас занимаюсь, так как переведен в подразделение артиллерийской разведки, где такие вещи требуются. Думаю сэкономить час-другой на сне и, пользуясь наличием лампы, засесть за

ненецкие дела. В чем они в данном случае заключаются, пока вам нарочно сообщать не буду. Скажу только, что это полевая работа, рассчитанная не менее, чем на 8 лет, которые нужно будет провести в одном более чем интересном районе. Возможно, что даже не 8, а больше, быть может 10 лет. Как бы мне хотелось дожить до того времени, когда я смогу претендовать на участие в давно задуманном мною и проектируемом сейчас деле! Нет нужды говорить о том, что участие в этом кого-либо из вас явится почти необходимым, но, увы, необязательным, так как в вашем возрасте отправиться на такой срок едва ли будет желание.

В том случае, если мне не придется вернуться, очень прошу вас не упустить из вида то, о чем я здесь пишу. Тетради с заметками, из которых вы поймете сущность проекта и узнаете район работы, возможно, попадут в Академию или ко мне домой, а вы уж не зевайте и ищите их. (К сожалению, в материалах архива, перевезенного в 1942 г. в Институт этнографии, а также в бумагах, полученных позднее от сестры Г.Д. Вербова Ольги Давыдовны Шелингер, не удалось обнаружить указаний на те планы, о которых писал Г.Д. Вербов. — Ред.) Не забудьте тогда заодно позаботиться и о моих рукописях, большая часть которых у меня дома и часть в Отделе Сибири Института. Разумеется, я не собираюсь еще уходить со сцены, но осторожность требует позаботиться, чтобы то, что принадлежит не мне одному, не пропало бесследно.

Жду, товарищи, письма и объяснения причин вашего упорного молчания. Желаю вам всем здоровья и бодрости.

Г. Вербов.

Мой адрес прежний: ППС № 506, штаб армии, отдел артиллерии.

5 апреля 1942 г.

Дорогая тов. Васильева!

Сегодня ночью, к великой моей радости, получил Ваше письмо от 25.III. Мерз нещадно, сидя под крышей одного высокого сооружения, отсюда ведем наблюдение за передовой линией немцев и неожиданно — такая радость. Я от вас всех не получил ни одного письма, кажется с начала января, и был очень подавлен, теряясь в догадках. 7 марта я был в Ленинграде, но в ЛГУ узнал только об его эвакуации. Ездил я потому (и меня отпустили), что в феврале меня постигло большое горе: почти одновременно скончались мои родители, которых я не мог ни повидать перед смертью, ни похоронить сам. Это сделала моя сестра, единственный оставшийся теперь дома член моей семьи. К ней-то я и приезжал в начале марта.

Днем, когда начал письмо, начался длительный обстрел. Первый снаряд лег перед нашим зданием и меня, на моем чердаке, совсем засыпало сажей. Мою линию связи порвало. Это наши будни, причем почти ежедневные. Продолжаю писать вечером, при свете маленькой печки, так что не удивляйтесь на почерк.

Меня очень радует, что Вы, несмотря на обстоятельства, держитесь бодро и хоть в мыслях не забываете о нашей специальности.

Я тут начал пробу по части литературной (разумеется, из ненецкой жизни). Это дело меня очень интересует, так как должен же быть написан о ненцах «роман без вранья». Сейчас, впрочем, дела таковы, что трудно надеяться на продолжение этой работы в ближайшие месяцы, так или иначе я теперь о смерти не думаю, т.к. прихода ее не предусмотрю, а думаю только о жизни, которая, быть может, продлится и будет полна нового содержания, которого, возможно, и не было бы без всех страданий, переносимых и перенесенных.

Думаю, что отчисление вас троих с филфака в связи с тем, что вы не смогли уехать, не сыграет в дальнейшем отрицательной роли в формальном отношении. Важно, что вы уже показали свои способности и отчасти свое желание специализироваться. Для меня лично этого достаточно, а если я буду жив, то уверен, что с моим мнением по этому, чисто «ненецкому» вопросу, посчитаются. Следовательно, наша четверка и ее дело не пропадут. Смерть Георгия Николаевича, как я уже писал, отняла у меня не только друга и отчасти учителя, но и поставила под угрозу его материалы, столь ценные для науки. Я, когда был в Ленинграде, говорил на эту тему в Институте. Обещали собрать все, когда это можно будет сделать. Не растерялось бы все... *(Дом в Озерках, где жили Прокофьевы, сгорел, поэтому большая часть архива Г.Н. Прокофьева погибла. — Ред.)*

Вчера получил от сестры письмо, в котором она сообщает, что ей предложили эвакуироваться, и просит у меня совета. После всего, что она перенесла, и учитывая, что она совсем одна, вполне вероятно, что она уедет. Это для нее будет лучше. Боюсь только, что в результате могут погибнуть мои рукописи и книги, в которых имеются работы Кастрена, Доннера, Лехтисало, Сирелиуса, Палласа, Лепехина, Вениамина и т.д., собранные ценой многолетнего труда и практически невозможные. Я написал сестре, чтобы, когда она решит уехать, она сообщила всем вам (я написал ей адреса, но не знаю все ли вы будете в Ленинграде). Тогда вы свяжитесь с Институтом, куда я тоже написал, и постарайтесь доставить туда рукописи. Всю (по возможности) библиотеку следует забрать к Вам или к вам троим по частям, или к тем из вас, кто намерен остаться в Ленинграде до конца. На книгах следует красным карандашом сделать пометку «В», достаточно крупную. Эти книги вы или Вы будете хранить, пользоваться или, если я не вернусь, считать их своими и использовать их для продолжения работы, которую ведем мы с Георгием Николаевичем. В Институте сейчас директором С.М. Абрамзон, а Отделом Сибири заведует М.А. Сергеев.

То, что Вы работаете, и хорошо и полезно, как опыт для северной работы. О Пырерке и Тайборее ничего не знаю. Желаю вам всем бодрости, здоровья, успехов, всего наилучшего. Пишите мне почаще.

Ваш Г. Вербов.

16 апреля 1942 г.

Дорогая тов. Васильева!

Вскоре после отправки письма Вам, я совершенно неожиданно, вечером 12 апреля попал в город и уехал обратно 13-го. К крайнему сожалению, не успел, как намеревался, зайти к Вам и, узнав адрес вашей службы, повидать Вас. Забежал только на несколько минут в Институт. Дома меня ожидало большое огорчение: сестра уехала 10-го. Застал только соседку, которая смогла лишь объяснить, что сестра уехала в Свердловск. С трудом нашел у одного знакомого ключи от моей комнаты, которые сестра ему оставила. Внутри комнаты многое тоже заперто, все свалено в груды, и я сам не смог ничего найти. Думаю, что письмо сестры раскроет мне все секреты. Благодаря этому изменению ситуации я беру обратно свою к Вам просьбу насчет материалов и библиотеки, так как это сейчас невыполнимо...

Сам я пока жив. Мучает весенний приступ моего старого профессионального ревматизма. Ношу в сумке «Происхождение семьи» и карандаш. Иногда штудирую. Если будет время, то и повесть (или роман), начатый зимой, буду понемногу продолжать.

Жду писем, желаю успехов.

Ваш Г. Вербов.

6 мая 1942 г.

Дорогая тов. Васильева!

Что-то опять долго не получаю от вас вестей. Надеюсь, что мои письма в ответ на ваше последнее письмо Вы получили. Напишите о своих делах и планах и об остальных товарищах. В Ленинграде ли они? Обязательно сообщите адрес и № телефона вашей службы. Если буду в Ленинграде, то постараюсь повидать Вас. Получаете ли вести из Университета?

Желаю всего лучшего

Ваш Г. Вербов

Это было последнее письмо Григория Давыдовича Вербова. Еще одно письмо было уже не от него.

29 октября 1942 г.

Многоуважаемая Людмила Васильевна, не могу сообщить Вам новый адрес вашего учителя, а моего лучшего друга Вербова, так как его уже нет на свете. Он убит в начале июня вблизи станции Понтонная на Ленинградском фронте. Это где-то на Неве. Там же он и похоронен. Удивляться этому событию нельзя, так как он все время был в самых опасных местах. Последнее письмо от него я имел от 31 мая, а 12 июня датировано извещение о его смерти, полученное его сестрой Ольгой Давыдовной Шелингер. Значит, это случилось в первой декаде июня...

Г.Р.

В Редакционно-издательском отделе МАЭ РАН готовится к печати очередной сборник «Культурное наследие народов Сибири и Севера (Материалы Пярых Сибирских чтений, проходивших в Санкт-Петербурге в 2002 году)», в котором помещена статья Л. В. Хомич (Васильевой) «Григорий Давыдович Вербов — исследователь традиционной культуры и языка ненцев». — Ред.

Г.А. Гловацкий

ВОЙНУ Я НАЧАЛ И ЗАКОНЧИЛ МАТРОСОМ

Георгий Адамович Гловацкий, научный сотрудник Отдела Дальнего Востока, китаист. Позднее заведующий Отделом учета и хранения. Старший матрос. Участник боев на Ленинградском фронте в составе 55-й морской бригады 2-й ударной армии. Награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

На второй день войны я был направлен в 175-ю отдельную зенитную батарею Ладожской военной флотилии. В сентябре 1941 года получил первое ранение, но воевать продолжал. Когда Ладога замерзла, нас, моряков, списали в береговые части. Я был назначен командиром минометного расчета. Наша часть охраняла дальние подступы к Дороге жизни. Что такое дальние подступы? К северу от линии трассы прямо на льду Ладоги, в 18—20 км от берега, стояли наши передовые дозоры. В обороне обычно закапываются в землю, мы закапывались в лед. Долбили окопчики, пулеметные и минометные гнезда. Когда до воды оставалось несколько сантиметров — делали перерыв. Зима была лютая и лед быстро нарастал снизу. Долбили снова, пока не получался окоп нужных размеров. Как выдерживали стужу? Сейчас это трудно понять, трудно даже представить. А тогда стояли. Стояли и выстояли, несмотря на обстрелы, свирепый холод и пургу, голод.

В июле 1942 года в составе 55-й морской бригады участвовал в боях по прорыву блокады Ленинграда. В январе 1943 года шел через невский лед на штурм Шлиссельбурга. Об этом штурме хорошо известно, скажу лишь, что два батальона нашего полка остались лежать на искромсанном снарядами и пулями кровавом льду, я был в третьем. Отделался ранением — осколком мины в плечо. Но блокада была прорвана.

После выздоровления меня направили на Ленинградский фронт в

48-й стрелковый полк 36-й стрелковой дивизии. Наша дивизия воевала на Синявинских болотах. Здесь снова был ранен, мой минометный расчет накрыло немецкой миной. Попал в госпиталь, расположенный в здании истфака ЛГУ. Выздоровел — и на Ораниенбаумский «пяточок». Потом узнал, что до меня здесь воевал наш сотрудник Л.И. Лавров, а в одно время со мной — А.В. Маторин.

Шел декабрь 1943 года. Наша часть была переброшена ночью по льду Финского залива из Лисьего Носа в Кронштадт, а оттуда на Ораниенбаумский «пяточок», где мы были включены в 131-ю стрелковую дивизию 2-й ударной армии. 14 января 1944 г. после нашей мощной артподготовки, вслед за танками мы погнались фашистов от Ленинграда. За шесть суток непрерывных боев только наша дивизия освободила от немецких захватчиков более 15 населенных пунктов, и 19 января 1944 года приказом Верховного Главнокомандующего нашей дивизии было присвоено наименование «Ропшинская», она была награждена орденом Красного Знамени.

За время наступления, при форсировании реки Нарвы я по пояс провалился под лед, но товарищи помогли выбраться из воды. На западном берегу Нарвы враг вскоре закрепился и держал мощную оборону. Нам пришлось залечь... Когда выяснилось, что противник пытается окружить мое подразделение, которое продвинулось несколько дальше, чем другие наши части, была дана команда отступить. Тут я обнаружил, что моя левая нога застыла и не сгибается в колене. С большим трудом я продолжал двигаться. Через некоторое время, к моей радости, нога разогрелась и стала сгибаться. Большую открытую поляну, которая простреливалась немцами, мне пришлось преодолеть по-пластунски, не поднимая головы. Немцы все же обнаружили меня и обстреляли. Однако все обошлось благополучно, хотя в части меня считали уже убитым и были удивлены моему возвращению.

Получив разрешение отдохнуть в теплой землянке, я моментально уснул. Проснулся от взрыва, засыпанный землей и жердями. Когда выбрался из-под горящих обломков и земли, на мне горел рукав ватника. Погасив его на скорую руку снегом, я долго чувствовал боль, но в бою было не до этого. И только когда мы отразили контратаку немцев, а позже и власовцев, я почувствовал острую боль в груди. В медсанбате врач выяснил, что боль была от небольшого, но острого осколка мины, который застрял в груди и при малейшем движении причинял боль. Зато с рукой было намного хуже: на ней образовался ожог второй степени от тлевшего внутри ватника. Вдобавок к этому

я почувствовал, что из-за обморожения пальцев не могу ступить на левую ногу.

Более двух месяцев находился я на излечении в 88-м эвакуогоспитале в Ленинграде, расположенном в школе на 17-й линии, а после выздоровления был направлен в Кронштадт и зачислен в Военно-Морской Флот радистом...

Войну закончил в Военно-Морской базе в Свинемюнде (Померания). Считаю, что ничего особенного не совершил. Воевал? Все тогда воевали для нашей Победы. И трудно было тоже всем. Главное — выстояли.

Приведем несколько строк, написанных нашим сотрудником М. К. Кудрявцевым о Г.А. Гловацком:

«Не много людей, общение с которыми и воспоминания о которых будили бы в нас лучшее человеческое. К таким редким людям принадлежал Георгий Адамович Гловацкий.

Сразу после университета он поступил на службу в Институт этнографии и прослужил, в пример многим поколениям сотрудников, почти 50 лет. Труды его и заботы сосредоточены были на музейном Отделе Китая и Дальнего Востока. Никто, как он, не знал коллекции своего отдела, никто не потратил столько труда и времени для сбережения этих коллекций. Ни одна экспозиция в Музее не создавалась без его участия. А в период, когда он возглавлял Отдел учета и хранения, Георгий Адамович всего себя отдавал сбережению коллекций всего Музея. И до недавнего времени не было у нас музейного работника, кто бы не вспомнил с благодарностью консультации, советы и участие Георгия Адамовича в его делах. В секторе Зарубежной Азии в течение многих лет он вел библиографическую работу, и большинство карточек в секторе написано его рукой.

Георгий Адамович — участник Отечественной войны с начала ее. Будучи приписан к флоту, он в первый же год войны оказался в сухопутных войсках, и здесь судьба его не баловала. Служил он на Ладоге, в зенитных, а в дальнейшем в стрелковых частях, освобождавших Ленинград и преследовавших отступающие немецкие войска. Именно в этих боях под Нарвой он был ранен на переднем крае во время немецкой контратаки, и только случайно дополз до своих».

К.В. Чистов

НАЧАЛО И КОНЕЦ МОЕЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война в памяти переживших ее остается периодом совершенно особым по плотности и обилию событий, трагических и радостных, невероятного эмоционального перенапряжения. Вспоминать и рассказывать о каждом дне невозможно — потребовалось бы исписать тысячи страниц, несмотря на то, что время постепенно заглушает воспоминания, оставляя для нынешних дней только самое яркое. Что же самое яркое?

Ответить на этот, казалось бы, простой вопрос очень трудно. Есть и другие, чисто психологические трудности, — не хочется признавать, что кроме воспоминаний нам будто бы ничего не осталось. Жизнь мчится с невиданной скоростью и времени предаваться воспоминаниям очень мало. Я много раз говорил себе: «Воспоминания буду писать, когда выйду на пенсию». Но... если не успею выйти на пенсию?

Попробую все-таки вспомнить: как для меня начиналась и кончилась война? Странный, казалось бы, вопрос! Началась она, как известно, 22 июня 1941 года, а окончилась 9 мая 1945 года... Это так, но все-таки у каждого она «начиналась» и «кончилась» по-своему, в свои сроки.

В день, когда прозвучало по радио сообщение Молотова о нападении Германии на Советский Союз, я готовился к экзамену по зарубежной литературе второй половины XIX—начала XX века, который должен был завершить мой четвертый курс филологического факультета Ленинградского университета. Выступление Молотова поразило всех,

Кирилл Васильевич Чистов — рядовой. Воевал в составе студенческого партизанского отряда, на Ленинградском, 1-м и 2-м Белорусских фронтах. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

хотя все мы как бы непрерывно ждали войны и одновременно как бы не верили тому, что она могла начаться так внезапно.

Трагически и угрожающе звучали сводки с фронтов в последующие недели — немцы стремительно продвигаются в глубь страны. Когда же удастся их хотя бы остановить?! Брест... Минск... Смоленск... Таллин... Псков... В эти горькие дни я работал в составе студенческого отряда на строительстве запасного аэродрома за Сиверской у д. Даймище. Мы уже видели немецкие самолеты, слышали гул далеких бомбежек. Все мы жили только войной, с нетерпением ждали очередную сводку, редкую газету, на лету ловили любой слух, чтобы верить и не верить. И все же, вспоминая те дни, я ясно вижу, что настоящее осознание войны в ее грандиозном масштабе и смертельной опасности постигло меня несколько позже.

На строительстве аэродрома я оказался потому, что числился «белобилетником», но это не помешало мне добровольно зачислиться в партизанскую школу, которая действовала на острове Голодае. Перед этим в Даймище приезжал мой однокурсник Сергей Максимов — участник «зимней войны» с Финляндией, Герой Советского Союза — и предложил некоторым из нас «пойти в партизаны» вместе с группой студентов-добровольцев. После недолгой учебы в партизанской школе пришел день, когда наш студенческий партизанский батальон должен был перейти фронт, чтобы действовать в фашистском тылу. Когда мы отправлялись из Областного Штаба Партизанского Движения на улицу Плеханова к фронту, никто из нас, кроме командира батальона, не представлял себе ясно, где в это время (середина августа 1941 года) проходила линия фронта. Неужели уже в Ленинградской области? Вскоре наши предположения подтвердились самым роковым образом. Рано утром на нескольких грузовиках мы двинулись в путь по Ленинграду, а потом по шоссе Ленинград—Киев. Почти сразу же после выезда на шоссе попали в непрерывную полосу воздушных тревог. Часто приходилось останавливаться и искать укрытия в придорожных кустах, в кювете, где попало. Все обходилось удачно, но уже возникло еще непривычное почти солдатское напряжение. Под вечер мы остановились в леске рядом с какой-то воинской частью, задержавшейся на марше. Нас накормили крутой кашей с разогретым консервированным мясом; еда, которая вспоминалась всю войну. Но потом построение, и командир батальона очень спокойно и тихо говорит нам: «Теперь поскорее спать! Рано утром будем переходить линию фронта. Все должны быть бодры и спокойны...». Это потрясло — не может быть, что фронт так близко! Утром по мере

приближения фронта удивление, тревога, растерянность возрастали. Фронта никакого не было!

Стало ясно, что немцы движутся по дорогам, — мы уже слышали рокот их моторов. Но где наши войска, где наш фронт? На занятиях военным делом (мы ведь были «без пяти минут лейтенанты») нас учили, что фронт должен быть правильно эшелонирован, должно быть определенное соотношение пехоты, артиллерии, танков, резерва, складского хозяйства, госпиталей и т.п. Ничего этого мы не видели. И более того: незадолго до того, как мы оказались по ту сторону фронта, мы вышли на небольшую лесную полянку, где увидели десятка полтора наших солдат. Они выкапывали индивидуальные окопчики.

— Что вы тут делаете, ребята? — спросили мы их.

— Лейтенант привел нас сюда, велел нам окапываться. Через час-полтора здесь должны быть немцы...

Мы покурили с ними и пошли дальше.

Возбуждение наше дошло до предела. Вместе с нами двигался батальон рабочих Балтийского завода. На первом привале в расположении «рабочего батальона», как мы его стали называть, послышался гулкий выстрел. Все вскочили. На фоне общего стремления не шуметь, чтобы не выдать себя противнику, звук выстрела казался чудовищным. Что это? Мы обнаружены? Выяснилось, что у одного из партизан (точнее — у несостоявшегося партизана) отказали нервы. В отчаянии он решил застрелиться. Теперь он корчился на земле и кричал. Перевязать раненого никто не решался. Командиры нашего и «балтзаводского» батальонов, посоветовавшись, решили, что его надо немедленно прикончить, чтобы он не выдал нас всех своим криком. Кажется, действительно, другого выхода не было. Стрелять снова было нельзя. Но он сам вдруг затих.

Трагическая и предельно тягостная картина смерти, хоть и совершенно незнакомого, но только что шагавшего рядом с нами товарища была почти непереносимой.

Тревожное напряжение нарастало. Почему же Ленинград не защищен? Где наши войска?

Только позже мы поняли, что немцы тоже оказались в нелегкой ситуации — им хотелось сходу ворваться в Ленинград. Они были достаточно опьянены своими успехами, завоевав уже почти всю Европу. Но их командование не могло не придержать движение войск. Коммуникации оказались безмерно растянутыми, движение по дорогам без овладения прилегающей территорией могло оказаться крайне опасным. Трудно было предполагать, что Ленинград совершенно оголен. (Между

Кирилл Васильевич Чистов — член-корреспондент РАН, лауреат Государственной премии, крупнейший специалист по истории и теории фольклора, доктор исторических наук. Президент Федеративной Республики Германия в 2000 году награжден К. В. Чистова немецким орденом Крест «За заслуги» на ленте за его многолетние усилия по духовному, а не просто дипломатическому примирению двух народов, вступивших некогда в смертельную борьбу. Своей деятельностью в сфере русско-немецкой культурной жизни он способствует как изживанию немецким народом метастазов нацизма, так и пониманию в России принципиальных изменений, происшедших в Германии.

прочим, он и не был вполне оголен, но наши войска, терпя одно поражение за другим, не успевали перегруппироваться.) Но тогда мы видели только то, что видели. Положение было действительно крайне тревожным, но не безнадежным. Тогда нам всего этого было не понять. Мы были поражены реальностью, не исключавшей того, что Ленинград мог пасть. Наш Ленинград, без которого жизнь казалась бессмысленной. Кроме того — там были семьи, родные, друзья. Среди них и моя юная жена, с которой мы «записались», как тогда это называли, только 27 июня. Как все-таки хорошо, что мы были тогда так молоды и оказались способными выдержать первое в нашей жизни столь мощное потрясение!

Позже эта первая смерть товарища, если и не забылась, то заслонилась многим, что пришлось пережить. Но теперь, вспоминая начало войны, я отчетливо вижу — моя война началась именно с этого. Этого пожилого уже мужчину, хотевшего стать партизаном и не успевшего им стать, сразу погибшего, не услышавшего ни одной вражеской пули, мы и жалели, и осуждали, и хотели понять, и не могли понять...

Теперь о том, как для меня кончилась война.

9 мая 1945 года для меня, как и для всех людей, живших тогда на Земле, — день совершенно незабываемый. Я встретил его в Прейсиш Нейштадт (Вейхерево) — городке, расположенном в так называемом «польском коридоре», недалеко от Гдыньской косы, на которой все еще оставались окруженные немецкие части. Все говорило о том, что конец войны бли-

зок, неизбежно близок. Уже ходили слухи о начавшихся переговорах (то ли с нашими представителями, то ли с англо-американскими) о капитуляции Германии, но когда и как это произойдет, никто в действительности не знал. Все ждали какого-то официального и торжественного акта. 8 мая с утра эти слухи усилились.

В эвакогоспитале, в штабе которого я служил в последние месяцы войны, вечером 8 мая никто не ложился спать. Наш радист не уходил от своей рации, из штаба госпиталя, имевшего телефонную связь с какими-то вышестоящими инстанциями, время от времени позванивали туда, но это удавалось редко. Линия была «забита».

Разговоры, разговоры, разговоры... Все были предельно возбуждены. Откуда только брались силы для такого напряжения? Казалось бы, нервы давно истощены до предела, но тут, в этой ситуации, эмоции вспыхнули с новой силой. Вспоминались пережитые военные годы, мечтали о будущем. Оно рисовалось самым радужным — все это заслужили. Хотелось вернуться к семьям, к полузабытым мирным профессиям. Некоторым было некуда вернуться, другие все еще не знали, где родные, что с домом, городом, родным селом. Осталось ли что-нибудь? Лишь далеко за полночь госпиталь — и персонал, и так называемые «ранбольные» (почему-то это звучало в одном слове) — затих. Проснулись мы под утро, но очень еще рано, от общего шума, криков, пальбы. Трудно было сразу понять, что случилось. Кто-то по привычке бросился «в ружье», кто-то выбежал на улицу. И все сразу узнали — по радио прозвучало Правительственное сообщение: Германия капитулировала, объявляется мир. Мы сразу присоединились к ликующей толпе... Все что-то кричали, пели, обнимали друг друга — знакомых и незнакомых. Стреляли в воздух из всего, что стреляло.

Сестры бегали по палатам, обнимали и целовали раненых.

Улица ликовала и почти не замечала мрачного молчания домов, в которых гнездились немногочисленные местные жители — немцы. Кое-где приоткрывались окна и снова в страхе захлопывались. Позже выяснилось, что население было терроризировано геббельсовской фашистской пропагандой, ожидали чего-то вроде «ночи длинных ножей». Перед нашим приходом листовки и газеты, если они еще выходили, «объясняли» населению, что надо бояться не фронтовых солдат, а некоего второго эшелона — это будут «монголы» и «сибиряки», которые учинят всеобщий разгром. Запуганные обыватели приняли нашу праздничную ночь — за ночь входа в город монгольской орды карателей.

Я помню, что только где-то уже утром по крайней мере части населения мы сумели объяснить, что произошло, и они несколько опасливо, но стали радоваться вместе с нами.

Таким мне видятся и сейчас ночь и первый день, который обозначил самое значительное для нашего поколения (вернее: для поколений, переживших войну) событие — конец тяжелейшей войны, великую Победу, переход к мирной жизни, так беспощадно нарушенной в 1941-м. Это было для нас невиданное преображение мира и людей, окружавших нас, и переживалось это с таким подъемом, воодушевлением, порывом, единодушием, гордостью, которые не забываются.

А.М. Сабурова

В ГОСПИТАЛЕ Я ПРОРАБОТАЛА ВСЮ ВОЙНУ И ЕЩЕ ПОЛГОДА

До войны я была студенткой университета. В университете все мы осваивали военные профессии. Я выбрала курсы медсестер. Было много ночных учений, тревог и т.д., и, тем не менее, все мы жили спокойно, даже финская война не внесла больших изменений, хотя были затемнения, работа в госпиталях и т.п.

22 июня 1941 года я занималась в Публичной библиотеке. Вдруг мы услышали — началась война с Германией. До вечера мы продолжали заниматься, затем разошлись по домам. Утром нас подняли на воскресник. До обеда на Васильевском острове копали окопы. Вернувшись с работы, я успела сдать последний экзамен за третий курс и ушла в свое общежитие. Только я вошла в пустое общежитие, как явился посыльный с повесткой в военкомат. Я тотчас же поспешила туда, не сдав вещей на хранение, оставила даже деньги в чемодане. Из документов взяла с собой только паспорт. Почему-то была уверена, что через десять дней придется возвращаться, в дороге все может потеряться, а в чемодане будет целее.

Итак, с одним портфелем я ушла в военкомат. Там было полно народа. Более суток мы терпеливо ожидали назначения. Несколько раз пересматривали новый тогда фильм «Крутится, вертится шар голубой». Много раз пробовали штурмовать стол усталого пожилого комиссара, требуя скорейшего оформления документов. Он смотрел на нас жалобными глазами и говорил: «Ну куда вы торопитесь, девушки? Идите домой и приходите завтра». Мы

Людмила Михайловна Сабурова, старший научный сотрудник Отдела Европы, кандидат исторических наук, многие годы была директором МАЭ. Младший лейтенант медицинской службы. Участвовала в боях на Белорусском и Украинском фронтах. Награждена орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

не хотели уходить: надо было поскорее получить назначение. Наконец утром он решил отвязаться от нас и сказал: «Выбирайте — Киев или Смоленск». Мы выбрали Смоленск. На Витебском вокзале с трудом достали билеты по выписанному литеру. Ехали почти сутки до Витебска, вместе с возвращающимися домой отпускниками.

На вокзале в Смоленске попали под бомбежку. К счастью, она быстро прекратилась, мы пошли искать военкомат. Я получила назначение в военный госпиталь. (В нем и проработала всю войну и еще полгода. И только в январе 1946 года демобилизовалась и вернулась в университет.)

Два дня мы скребли и мыли бывшее общежитие Мединститута, устанавливали койки, готовя госпиталь к приему раненых. В первый же день нам еще пришлось помочь городской больнице. Несколько добровольцев, и я в их числе, целую ночь носили раненых и больных в бомбоубежище.

Развернуть госпиталь в Смоленске не удалось. 28 июня жесточайшая бомбежка практически уничтожила город, в основном деревянный. Помню, что, стоя на лестничной площадке, я посмотрела в окно — кругом бушевало пламя. К утру пожары стихли, бомбежка прекратилась. К середине дня мы получили приказ выехать в пригород Смоленска и развернуть там госпиталь. Наш госпиталь формировался в Смоленске. Персонал — в основном местные жители, смоляне. Они хорошо знали город, однако мы очень долго блуждали и не могли из него выбраться. Улицы были перегорожены завалами от сгоревших или еще горящих домов. Город был почти пуст, и только динамики, развешанные по улицам, гремели во всю мощь песню: «Идет война народная...».

В пригороде Смоленска мы пробыли две недели. Наш фронтовой эвакуогоспиталь находился на самой передовой, и раненые поступали к нам очень тяжелые. Работы было много, персонала не хватало. Поспать ночью удавалось редко, а если появлялась такая возможность, то уж ни на какие бомбежки никто не обращал внимания.

Бои под Смоленском шли очень тяжелые, кровопролитные, немцы наступали и явным стало наше отступление. Уехали полевые госпитали, расположенные рядом с нами, а мы сидели на месте. Нельзя оставить раненых, а как их эвакуировать? Наконец, в последний момент нашелся транспорт, мы погрузили последних раненых, а сами после многих суток напряженной работы пешком отступали по Смоленской дороге. За ночь прошли 20 километров. Утром расположились в лесу. Подъехал госпитальный автобус, в который вместились большая часть персонала, но не все. Начальник госпиталя пообещал, что автобус вер-

нется за нами. Мы ждали в лесу до вечера. Автобус не вернулся. Бойцы из отступавших частей поинтересовались, что мы делаем в лесу, и, узнав, посоветовали скорее идти пешком, так как мы можем оказаться в тылу у немцев. Мы пошли. По дороге узнали, что конечный пункт нашего назначения — Вязьма. Вскоре мы уже ехали. Водители грузовых машин охотно брали нас на борт, так как при наличии медсестер транспорт считался санитарным и получал преимущества при передвижении. Почти без приключений мы проделали свой путь. Даже Соловьевскую переправу переехали спокойно: бомбежек не было. Но по всему пути видели много убитых. В Вязьме, вернее, около нее в лесу, мы встретили своих медиков, присоединились к ним и получили новое назначение в Котовск под Тамбовом. Это был глубокий тыл. Мы проезжали мимо многих городов, еще не разрушенных. Запомнился почему-то Курск, его гористый пейзаж, магазины, полные разных товаров. В Котовске был большой пороховой завод, который, конечно, бомбили. Мы получили под госпиталь Дом культуры — огромное трехэтажное здание; быстро его обустроили и стали работать. Раненые поступали, их надо было эвакуировать в глубь страны. Один раз после сильной бомбежки завода было много обожженных и их положили в наш госпиталь. Тогда еще не умели лечить тяжелые ожоги, и эта картина до сих пор так и стоит у меня перед глазами. Около двух лет мы пробывали в Котовске. У нас умирало мало людей: во-первых, мы были тыловым госпиталем и смертельно раненные к нам не попадали; во-вторых, мы постоянно эвакуировали наших тяжело раненных (транспортных) глубже в тыл. Умерших мы хоронили на кладбище с отдаванием соответствующих военных почестей.

Довольно скоро фронт приблизился и к нам, но не подходил ближе 70 километров. Во время бомбежек раненых полагалось нести с верхних этажей вниз, мы часто не успевали сделать это, да к тому же были такие раненые, которых нельзя было нести и нельзя было оставлять одних. Этого мы никогда и ни при каких обстоятельствах не делали, и чаще всего с ранеными оставалась я.

Когда началось наступление наших войск, госпитали, и мы в том числе, стали двигаться за фронтом, останавливаясь в пунктах назначения на несколько месяцев, пока не откатывался фронт. Обратный путь мы проделали по разрушенной территории. Надо было размещать раненых. В Курской области на станции Ржава сохранились стены бывших конюшен (саманные), которые и были приспособлены под госпиталь. Летом еще было ничего, а когда начались холода, стало худо — нельзя было натопить эти «палаты».

Затем Новгород-Волынский. Город не был разрушен. Была весна, мы даже бегали на рынок. Мы расположились на берегу реки, в замке, превращенном немцами в гестапо. К нам поступала молодежь по мобилизации, но работали они плохо, не хватало нянечек... Последние два года войны — непрерывное движение: свертывание госпиталя и развертывание его на новом месте. А это огромная работа. Надо было подготовить к эвакуации раненых, упаковать все имущество, погрузить его в эшелон и на новом месте повторить то же в обратном порядке.

Когда готовилась и проходила Висленская операция, пунктом нашего назначения стало польское местечко Макшешув. Здесь кроме монастыря и поселка не было ни одного подходящего здания. А госпиталь большой — на 900 человек. Но раненых бывало и значительно больше. И мы получили приказ — зарыться в землю, соорудить землянки для раненых, операционной и т.д. Хотя личный состав госпиталя был большой — 450 человек, но в основном женщины, мужчин было мало, помогали ходячие раненые. Материала для постройки никакого. «Рядом лес — рубите и возите бревна», — сказали нам. И вот на территории монастыря за короткий срок мы соорудили около десятка подземных помещений, в которых на двухъярусных нарах размещались раненые. Под штаб монастырь отдал свой главный корпус, где размещались и сами монахи. Они старались помогать нам, добывали у населения необходимую солому для матрацев и т.д.

На территории Польши госпиталь дислоцировался еще в г. Жешуве. Личный состав в обоих случаях размещался среди населения, и мы воочию увидели колоссальную разницу между деревенским и городским бытом, истинно капиталистическим. Бросались в глаза многие интересные бытовые подробности.

Город Жешув. Хорошо сохранились жилые дома и общественные здания. Здесь мы получили нормальный госпиталь. Жили в благоприятных условиях. Для нас все было в диво: нормальный город, полно мужчин, все хорошо одеты. Смотрели мы на это с удивлением. Наша жизнь была совсем другой. Работали не 8 часов, а гораздо больше и отдыхать было некогда.

Последний наш переход, уже в Германию, отличался от предыдущих. Нам не дали никакого транспорта, мы сдали свое имущество приехавшим на смену другим госпиталям. Отпустили всех вольнонаемных, кто не пожелал ехать с госпиталем, и двинулись дальше на попутных. Весь личный состав разбили на группы, по четыре человека, которые должны были самостоятельно добираться до пункта назначения. Путь предстоял не близкий. В нашей группе я была старшей. В группу

входили медсестра из моего отделения, кастелянша и для охраны нам придали пожилого бойца из выздоравливающих, который, как выяснилось, боялся всего больше нас. Кто кого охранял — оставалось неясным, во всяком случае от него происходили одни неприятности. Его явная трусость определенно не нравилась тем, кто брал нас на машину. У сопровождавшего нас бойца оружия не было, да и вряд ли он владел им. Оружие (пистолет) выдали перед отправкой мне (как оказалось впоследствии, неисправное). Вручая пистолет, комиссар объяснил чисто теоретически, как из него стрелять, подавать патрон из обоймы в ствол, и предупредил, что надо быть осторожной, чтобы не было отдачи. Пистолет поставили на предохранитель и вручили мне. Пользоваться им не пришлось.

Первая же машина с каким-то небольшим грузом охотно взяла нас. Видимо, действовал приказ подбирать бродячие госпитальные группы. Вместе мы проехали бо́льшую часть пути, а затем пришлось снова голосовать, так как нам надо было сворачивать на Бреслау. В каком-то местечке остановились ночевать. Хозяйки, явно немки, выдавали себя за полячек, говорили, что в доме никого нет. Мы заняли две комнаты, в одной были женщины, в другой разместились бойцы. Перед сном шофер попросил: «Дай, Михайловна, пистолет, я пройду проверю, нет ли кого в подвалах и в хозяйственных постройках». Пистолет я дала, он вышел во двор и, вернувшись, сказал: «Не работает». Но все-таки с пистолетом в руках пошли осматривать подвалы: огромные, бетонированные, с расстеленными на полу матрацами. Людей не было. В ночь бойцы по очереди дежурили, только нашему бойцу не очень доверяли, да и он держался отчужденно. Сменив еще несколько попутных машин, добрались до г. Лигница — в 4 километрах от фронта. Лигниц — крупный город и в прошлом крупный фашистский центр — к этому времени был совершенно цел и почти совершенно пуст. Вообще немецкие города, которые нам пришлось видеть, кроме Берлина, в отличие от наших, пострадали мало. Для госпиталя нам отвели школу и большой сад в здании бывшего гестапо, куда мы запросто ходили за смородиной для раненых, заодно проходя по всем когда-то страшным кабинетам гестапо, с разбросанными повсюду делами и документами, орденскими знаками и т.п. Никто не интересовался этим наследием, и бумаги и документы валялись. У нас были уже другие раненые, приближение победы чувствовалось, и раненые рвались обратно в бой. Почти все они были ходячими, так как более тяжелых отправляли сразу в тыл. Рядом с нами находился какой-то официальный центр, где происходили все торжественные городские собрания (поляков), на

которые неизменно приглашали и нас. Впервые мы увидели иной общественный ритуал. Вместо аплодисментов в подходящих местах зал вставал, и трижды громко звучало: «Нех жие, нех жие, нех жие!». В городе стали открываться рестораны. И спустя некоторое время расположился штаб командующего фронтом — К.К. Рокоссовского. Оживалась культурная жизнь, особенно после победы.

В Лигнице мы встретили и день Победы, долгожданный и такой желанный. Здесь находился штаб 2-го Белорусского фронта. Было много офицеров и всяческого начальства. В день Победы отовсюду неслись выстрелы, главным образом, из пистолетов. На улице сразу стало многолюдно. Появились немцы, которые находились где-то в укрытии. По улице ехали коляски с имуществом и вместе с ними немцы. Как смеялись наши офицеры: «Почувствовали победу». В общем появились местные жители. Вскоре военкоматы мобилизовали молодых женщин, и к нам была прислана помощь.

После победы была организована экскурсия в Берлин. Берлин находился всего в 180 км от Лигница, а ехали мы туда целый день. Отличная автострада шла мимо селений, которые оставались далеко в стороне, по обе стороны дороги — ухоженные поля, ровные, ни одного перекрестка, везде транспортные развязки, ни одной машины навстречу, они идут по другой дороге, разделенной с этой грунтовой полосой. К вечеру приехали в пригород Берлина, где и ночевали. Ночевать в Берлине было негде, да и небезопасно.

Пригород поразил нас своей нарядностью, все двухэтажные коттеджи были целы, утопали в цветах и садах, везде розовели и краснели спелые яблоки. Людей почти не видно. Мы ночевали в одном из пустых коттеджей, а утро и день провели в Берлине. Осмотрели рейхстаг, бункер Гитлера, Унтер ден Линден, знаменитый черный рынок. Зрелище было не из приятных. Развалины, на которых копаются немецкие мужчины и женщины, что-то ищут, в сохранившихся подвалах открыты какие-то лавчонки с эрзацами в серых обертках, лениво работают на улицах немцы, передавая по цепочке кирпичи, восстанавливая разрушенное.

В это же время появилось в нашей жизни и искусство, не только кино. Помню один раз в большом театральном зале был такой вечер. Давали оперетту «Жрица огня». На вечере присутствовал командующий фронтом маршал Рокоссовский. В какой-то части была своя самодеятельность, а в составе самодеятельности настоящие артисты оперетты, отец, мать и сын лет 15—16. Ждали Рокоссовского, и после его появления началась оперетта. Прошла она хорошо, мы столько време-

ни не соприкасались с искусством, поэтому хлопали очень сильно. Однажды мы ходили в гости в воинскую часть, которая пригласила нас к себе, дала концерт, сами принимали их у себя.

Полгода после войны мы еще работали с больными, а затем 26 декабря 1945 года меня демобилизовали как студентку, я вернулась в университет.

Мы жили в жестких регламентированных рамках и не день-два, а годы, без отдыха, без отпуска, без выходных дней, все время на казарменном положении, все время, кроме сна, — на работе, а часто и работа вместо сна. Постоянный прием и эвакуация раненых требовали усилий всего коллектива, а происходили они, по вполне понятным причинам, как правило, ночью. Значит, мобилизовывали всех на эвакуацию. То же при тревогах. Нас было все-таки даже по нормам военного времени мало. В моем отделении (300—350 раненых) было всего 25 человек сестер и санитарок. И так в любом месте. И этим малым количеством был обеспечен не только уход и медицинское обслуживание, но и чистота. Здесь закон и требования были железными. В любых условиях, где бы мы ни находились, все в госпитале сияло, начиная с перевязочной и кончая лестницами, курилками и т.п. За чистоту взыскивали больше, чем за что бы то ни было другое. И это понятно — угроза эпидемий была страшнее всего, и основная профилактика — септик и антисептик.

У нас всего было мало: мало места, мало медикаментов, бинтов, а часто не было даже бумаги и чернил. А эти последние были очень нужны, так как о раненых надо было все записать, чтобы с этими документами они пошли дальше. И из всего находили выход. Стирали бинты, это было постоянным занятием дежурных, разводили марганцовку для чернил, писали на газетах между строк. И при всем при том создавали атмосферу, удобную для жизни раненых: своевременная медицинская помощь, хороший уход компенсировали недостатки питания, которые испытывали все в войну, и раненые в том числе. Кроме того, мы все-таки были люди — болели. Те два года, которые мы провели в тылу, мы находились в малярийной местности и почти все переболели тропической малярией, в Курской области — напала какая-то сначала неопознанная хворь, оказавшаяся впоследствии туляремией — особой формой тифа, ну и т.д. А кроме того, надо было всем всему учиться в ходе работы, когда особенно учиться и некогда и когда освоение определенных знаний происходит особенно быстро. Так, в госпитале лишь единицы из врачей были хирургами, остальные — врачи далеких специальностей (педиатры, терапевты, окулисты и т.д.) и

только что получившие дипломы студенты-медики. Все они и довольно быстро освоили хирургию. Первоначально — простейшую обработку ран, а затем и более сложную. И после войны лишь немногие вернулись к довоенной профессии, остальные остались верными своей военной специальности.

Сестер с опытом хирургической работы тоже было мало. Однако в основном сестры имели опыт работы. Что касается меня — опыта хирургической работы никакого, в финскую кампанию я работала в нервном отделении, среди контуженных, и раненых практически не видела. На курсах не было никаких практических занятий, только смотрели, как делать уколы и т.п. Всему этому пришлось учиться на ходу. Месяца через три мне вменили в обязанность выписку лекарства для отделения. Я присутствовала на обходах врачей и должна была выписывать лекарства. Вот уже когда помучилась. Выписывать рецепты надо по латыни, а я по-русски едва могла записать названия лекарства. Первое время эти лекарства мне снились в лицах. Потом освоила и эту грамоту, не говоря уже об уколах, вливаниях, переливаниях крови и т.п. Очень скоро, через 4 месяца, при расширении госпиталя меня назначили старшей сестрой отделения, в штат почти на две трети приняли новых — молоденьких 17-летних девочек, только что окончивших медучилище, которые смотрели на нас уже как на асов и перенимали приемы у нас.

В госпитале создавался удивительно дружный, работоспособный, здоровый коллектив, в котором несмотря на все трудности работалось легко. Атмосфера постоянного поиска, постоянного творчества, освоение новых приемов лечения, стремление к лучшему, к возможно лучшим результатам работы — эта атмосфера была основной, определяющей, воспитывала, подтягивала людей.

Всю войну мы работали, как автоматы, не зная ни сна, ни отдыха. Четыре с половиной года без выходных и праздничных дней, по 16 часов в день. Не говоря уж об отпусках. На отпуск мы только подавали заявление, все деньги, займы мы дарили в фонд обороны. Правда, мы не знали голода, как другие, и впереди нас «волки, как галки» не прыгали...

Из выступления Людмилы Михайловны Сабуровой в мае 1974 года:

«День Победы я встретила в Германии, в Силезии. День 9 мая был удивительно яркий, солнечный — в Германии весна наступает намного раньше, чем у нас, — и таким же ярким и ликующим было наше настроение. Весь персонал госпиталя и ходячие раненые высыпали во

двор, все обнимались, стреляли в воздух. Стихийно возник митинг — всем хотелось выразить свои чувства, поделиться радостью.

Вскоре после наступления мира у нас была организована экскурсия в Берлин. Ехали мы целый день на автобусе по пустынной дороге. Это не так далеко, но по тем временам скорее было не доехать. Под вечер мы прибыли в пригород Берлина. Весь следующий день мы посвятили осмотру Берлина. Конечно, первым делом поехали на Unter den Linden, в Рейхстаг. Около него ходили мужчины, главным образом пожилые, инвалиды, и предлагали себя в качестве гидов. Один из таких экскурсоводов-добровольцев показывал нам руины (очертания здания все же сохранились), — объясняя где была приемная Гитлера, где сидели его секретари; бункер, где скрывался Гитлер. Бункер сохранился, все маленькие комнаточки с низкими потолками были целы, но без интерьера, — только телефонная станция уцелела. Воздух был сырой, пахло плесенью, как и полагается в подземелье. Видели мы место во дворе, где был найден обожженный труп Гитлера и его жены.

После победы я еще работала полгода в этом госпитале, и в конце декабря 1945 года меня, как студентку, отпустили учиться».

Май 1974 года

К.Д. Лаушкин

ЗА ВСЮ ВОЙНУ МНЕ ТОЛЬКО ОДИН РАЗ УДАЛОСЬ СФОТОГРАФИРОВАТЬСЯ

Константин Дамианович Лаушкин, старший научный сотрудник Отдела Европы, кандидат исторических наук. Майор. Служил в частях Краснознаменного Балтийского флота. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и другими.

разведке. Мы шли по городу с моим приятелем, летчиком морской авиации лейтенантом Нестеровым (я был младший лейтенант). Он летал на СБ (скоростных бомбардировщиках) и рядом со мной выглядел как принц: брюки отутюжены, от ботинок разбегаются солнечные зайчики. Мои же морские ботинки были растоптаны, как поршни: от Пярун до Ленинграда путь не близок.

Было это в Петергофе, в августе сорок первого, за несколько дней до вступления немцев в город. В Петергофе было пустынно. Гражданские люди исчезли, а военные были как часть ландшафта или, скорее даже, ландшафты. Дома стояли осиротелыми: окна выбиты, но двери зачем-то заколочены досками крест-накрест. Черные пожарища, развалы кирпичей и бревен. Под ногами крутились какие-то матрасные пружины и визжали стекла.

К городку подступала «чума», это чувствовалось. В ту сторону, где немцы, было страшно смотреть. Страшно не только потому, что они тебя могут убить, еще страшнее потому, что гадостно на душе и тошнотворно, и ужасное противное чувство бессильной злобы. В той стороне немцы делали какую-то серьезную работу: огромные гвозди куда-то вколачивали.

Я был помощником начальника штаба батальона морской пехоты. Сокращение: «ПНШ-2». Это значит — по

Вдруг нечто совершенно необычное (бомба на голову — это будни). На стене разрушенного дома распялено полотно и в нескольких шагах на солидной треноге лакированный ящик. На лице фотографа был написан ужас от всего происходящего, но он мужественно стоял на своем посту и фотографировал. Офицеры, солдаты, матросы, впрочем, довольно щедро его вознаграждали, однако, еще раз взглянув на мастера, я подумал, что он многим рискует, если у него произойдет непосредственный контакт с «высшей расой».

Фотограф сделал прекрасный для того беспокойного времени снимок, я послал его домой и поэтому он сохранился.

*Та самая единственная
военная фотография.*

Н.В. Новиков

В БОЯХ ЗА БУДАПЕШТ

Николай Владимирович Новиков, старший научный сотрудник Отдела Европы, доктор филологических наук. Капитан. Участвовал в боях на Северо-Западном, 2-м и 4-м Украинских фронтах. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

На последнем этапе Великой Отечественной войны, за три месяца до капитуляции фашистской Германии, 297-я стрелковая дивизия (командир дивизии генерал-майор А.И. Ковтун) в составе войск, действующих в Юго-Западной Европе, вела упорные бои по ликвидации окруженной группировки противника в Буде — части Будапешта, расположенной на высоком правом берегу Дуная. В то время в звании капитана я исполнял должность помощника начальника штаба артиллерии дивизии по оперативной работе. Наш штаб (начальник штаба майор Попов) вместе со штабом и политотделом дивизии (начальник политотдела полковник М. Гальперин (М. Гальперин — ленинградец; до войны работал в Ленинградском горкоме комсомола. Об этом я узнал уже в послевоенное время.)) находился на западной окраине Буды. Здесь же размещались и некоторые другие штабы советских воинских частей и подразделений, а также различного рода тыловые службы.

Выбитый из Пешта и прижатый нашими войсками к Дунаю в Буде противник продолжал оказывать упорное сопротивление. Кровавопролитные, ни на час не затухающие бои шли буквально за каждую улицу, за каждый перекресток, дом, этаж, лестничную площадку. Однако день ото дня вражеский плацдарм неумолимо сужался. Обороняющиеся его несли невосполнимые потери в живой силе и технике. Предчувствуя неизбежность поражения, немцы в ночь с 11 на 12 февраля 1945 года предприняли отчаянную попытку во что бы то ни стало и любыми средствами вырвать-

ся из окружения. При этом большую надежду они возлагали на скрытность и внезапность выхода к нам в ближайший тыл, чтобы, опрокинув его, открыть себе свободный путь на запад. С этой целью противник воспользовался как подземным туннелем, проложенным от дворца правителя Венгрии Хорти, так и разветвленной сетью подземных коммуникаций города, по которым под покровом ночи [12 февраля] стал поодиночке и небольшими вооруженными группами просачиваться в район нашей дислокации. Но все его попытки выйти из окружения потерпели провал. Вначале гитлеровцы были встречены ружейно-пулеметным огнем наших штабов и служб тыла, а затем на рассвете окончательно разгромлены подошедшими другими воинскими частями.

Утром 12 февраля, кроме участия под руководством Гальперина в работе по массовой приемке пленных, их сортировке, временном размещении и отправке в армейский тыл, мне пришлось в разведотделе дивизии присутствовать на предварительном допросе командующего Будапештской группировкой немцев генерал-полковника фон Пфеффера-Вильденбруха.

Поскольку обстоятельство пленения генерала и его многочисленной свиты, состоящей главным образом из офицеров и унтер-офицеров, получило освещение в мемуарной литературе — генерал-майора А.И. Ковтуна и майора запаса Ф. Копылова [*Ковтун А.И.* 1) Венгерская рапсодия. Симферополь, 1968; 2) Освобождение Будапешта // *Новый мир.* 1971. № 5. С. 183—196; *Копылов Ф.* Белый флаг над вражеским штабом // *Правда.* 1970. 17 марта; переп.: Великая Отечественная война в письмах. Сост. В.Г. Гришин. Изд. 2-е. М., 1982. С. 282—283], я позволил себе коснуться лишь некоторых последующих событий этого дня, участником которых я был и которые не нашли отражения в нашей печати.

...Переступив порог довольно просторной комнаты, занимаемой разведотделом дивизии, я увидел такую картину. Сразу же влево от входной двери на расставленных в несколько рядов стульях, в большой тесноте располагалась основная часть пленных офицеров и унтер-офицеров штаба Пфеффера, другая часть — скученно толпилась у входной двери за последним рядом стульев. Сколько их было, точно сказать затрудняюсь, но не менее ста человек. В переднем углу за столом полукругом сидели советские офицеры; среди них полковник Гальперин (командиру дивизии А.И. Ковтуну, как он пишет в упомянутых воспоминаниях, «увидеть и допросить Пфеффера» самому не пришлось), на противоположной же стороне стола, наискосок от Гальперина и в полуоборот к пленным офицерам, — генерал Пфеффер, а сбоку — на-

чальник его штаба подполковник Линденау, которого вначале мы приняли за гитлеровского политического советника, — урюмо-молчаливый субъект, не проронивший во время допроса ни одного слова.

Генерал Пфедфер — в годах. Лицо обрюзглое, щетинистое. Внешне — подчеркнуто спокоен. На нем — изрядно помятая и выпачканная в чем-то белом, небрежно распахнутая солдатская шинель, на ногах — обмотки и, не первой носки, ботинки; перед ним на краешке стола — его пилотка.

Чтобы начать разговор, Гальперин раскрыл пачку папирос и протянул ее Пфедферу, затем — его коллеге. Первый, немного помедлив, все же воспользовался предложением и закурил, второй отказался. Отвечая на вопрос Гальперина, каково было положение немецкого гарнизона в Буде в последние дни (допрос велся с помощью переводчика), Пфедфер назвал его безвыходно-катастрофическим: продукты питания иссякли, боеприпасы тоже, а то, что сбрасывалось с транспортных самолетов, было мизерным и к тому же часто попадало в распоряжение Советских войск. Ждать какой-либо иной помощи было неоткуда. И тогда командование пошло на риск, отдав приказ по гарнизону: пробиваться из окружения кто как может. Сам Пфедфер, переодетый в солдатское обмундирование, и офицеры его штаба пробивались от дворца Хорти туннелем, по выходе из которого были обнаружены и пленены...

Далее речь зашла о необходимости беспромедлительного погашения значительного очага сопротивления противника в районе городского госпиталя, откуда доносилась частая ружейно-пулеметная перестрелка, прерываемая временами раскатистым гулом артиллерийских орудий. Обращаясь к Пфедферу, Гальперин сказал: «Вы, я думаю, генерал, согласитесь, что оказываемое сопротивление остатков ваших войск в районе госпиталя — безнадежно. Во избежание дальнейшего напрасного кровопролития с обеих сторон Советское командование предлагает лично Вам обратиться к своим войскам с призывом прекратить бесполезное сопротивление и безоговорочно сложить оружие».

Генерал молчал, опустив голову. Тогда после довольно продолжительной паузы со скамьи пленных поднялся офицер-летчик и заявил, что он готов пойти в госпиталь к «своим» и уговорить их сдаться, но при условии, если на то будет дано согласие командующего. В ответ на это кто-то из советских офицеров бросил реплику: «Плен освобождает вас от подчинения своему командующему!» Однако летчик упорно продолжал настаивать на своем. В конце концов такое согласие было дано,

и Пфэффер тут же на листе бумаги написал требуемое обращение-приказ. Вслед за этим была образована парламентарская группа в составе четырех человек. В нее вошли: от пленных немцев, кроме упомянутого офицера-летчика, обер-лейтенант, от нас — старший лейтенант (фамилию не помню) и автор этих строк.

Включенных в нашу группу немцев мы прежде всего накормили и, повязав нарукавные белые повязки, отправились к госпиталю. Шли по середине широкой, длинной и прямой улицы, обсаженной деревьями и носящей свежие следы отгремевшего ночного боя: тут и там на дороге и на ее обочинах попадались рассыпанные стреляные гильзы, немецкие каски, противогазы и другое военное имущество, трупы убитых немцев. Со стороны наша маленькая процессия, вероятно, выглядела не совсем обычно, пестро. Во всяком случае встречные армейцы, поравнявшись с нами, каждый раз останавливались и смотрели на нас с явным любопытством и недоумением: возможно ли, чтобы в такое-то время советские и немецкие офицеры шли бы вот так рядом и мирно. И куда? — на передовую! Особенно их внимание привлекал черноволосый небольшого роста и до вертлявости подвижный офицер-летчик, черный китель которого был густо обвешан гитлеровскими орденами и медалями.

Наша группа находилась примерно на полпути к госпиталю, когда шум боя начал там заметно спадать. Сначала умолкла артиллерия, потом реже и реже стала ружейно-пулеметная перестрелка. Наконец прозвучал далекий одиночный выстрел. Последний крупный очаг сопротивления немцев в городе пал, о чем нам сообщили бойцы, возвращавшиеся из района госпиталя, и потому, естественно, необходимость в нашей посреднической миссии сама собой отпала.

* * *

Н.В. Новиков, находясь на фронте, сделал много интересных записей. Это десятки тетрадей, содержащих около пятисот писем, рассказов, стихов, пословиц, поговорок, крылатых выражений.

..На наблюдательном пункте, на огневых позициях артиллерии и минометов, во время боя и в часы затишья в штабе, в окопе, в блиндаже, в землянке, в пути — всюду я прислушивался к голосу фронтовика и заносил в блокнот то, что казалось мне сколько-нибудь значительным, интересным, что выражало мысли, чувства, настроения воинов Красной Армии, было связано с исторической традицией нашего народа. Вот некоторые из них:

Пословицы и поговорки

- «Кто не несет урон врагу, тот у Родины в долгу».
- «На то и артрразведка, чтоб бить метко».
- «От бомбежки протягивают ножки».
- «Чем ближе на Запад, тем ближе к дому».
- «На второй фронт надейся, а сам не плошай!».
- «С миру по нитке — Гитлеру петля».
- «Закурим табачку тертого, помянем живого и мертвого».
- «Карауль Бог, караульный спать лег».
- «За столом парит орлом, а на “огневой” — мокрой курицей».

Из фронтовой терминологии

«Мария Ивановна», «Катерина Ивановна», «Катюша» — минометная установка реактивного действия.

«Андрюша», «Жених Катюши» — установка тяжелых минометов реактивного действия.

«Уточка», «ХНБ» (хитрый ночной бомбардировщик).

«Керосинка», «Огородник», «Кукурузник» — самолет У-2.

«Старшина дорог» — автомашина «Студебеккер».

«Дурило» — немецкая минометная установка реактивного действия.

«Стервятник» — самолет противника.

«Костыль», «Горбыль» — немецкий самолет-разведчик.

«Музыкант» — немецкий пикирующий самолет.

«Макаронник», «Шганина» — немецкий самолет Фокке-Вульф 189-02.

«Хлопалка», «Фур-дур» — немецкий ночной бомбардировщик.

«Собака Гитлера» — немецкий шестиствольный миномет.

«Хозяйство» — батарея, полк, соединение.

«Бал», «Свадьба», «Концерт», «Представление» — наступление.

«Глаза» — артиллерийский наблюдательный пункт.

«Самовары» — минометы.

«Нитка» — телефонный кабель.

«Огурцы» — снаряды, мины.

«Роман—Ольга» — расход, остаток.

«Борис» — броневой снаряд.

«Ольга» — осколочно-фугасный снаряд.

«Играть», «Петь» — вести огонь из Катюши.

«Утожить» — бомбить, обстреливать.

«Прижимать чертика» — поспать, отдохнуть.

«Танкетки», «Автоматчики» — вши.

«Блондинка», «Бледнолицая красавица» — пшенная каша.

«Шрапнель» — перловая каша.

ДВА ОЧЕРКА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ¹

Поезд Верховного

Я с детства помню вагоны царского поезда, где Николай II вынужден был подписать отречение от престола. Их можно было видеть на вокзале в Детском Селе. Я знал тогда, что это была часть поезда для Верховного, созданного в дни войны 14-го года. Эти классные вагоны неизменно интересовали меня и будили воображение.

Но если бы мне кто-нибудь сказал, что я сам, будучи взрослым, буду принимать участие в чем-то подобном... Однако именно так и было в первый месяц Отечественной войны.

Я служил в отдельном батальоне при Научно-исследовательском Институте связи и секретной техники с октября 1940-го. До печально знаменитых дней октября 1941 года я был под Москвой в этой весьма привилегированной части.

В один из дней начала июля на грузовой машине небольшая группа солдат (в их числе был и я) поехала в Москву. Никто из нас не знал, куда и зачем мы едем. Мы приехали на станцию метро «Сокол». Тогда она была, как мне кажется, единственной наземной станцией метро. В бо-

Эмиль Евсеевич Фрадкин, научный сотрудник Отдела археологии, кандидат исторических наук. Участвовал в боях на 1-м Украинском и 2-м Белорусском фронтах. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

¹ Эмиль Евсеевич Фрадкин при жизни начал писать воспоминания о днях Великой Отечественной войны. К сожалению, закончить их он не успел. Сказались последствия тяжелого ранения. В его архивах сохранились отдельные наброски, в том числе данные очерки, любезно предоставленные женой и братом Э.Е. Фрадкина. — Ред.

ковом туннеле я увидел несколько товарных вагонов, блестящих ярко краской. Внешне, если бы не краска, они ничем не отличались от самых обычных «телятников». Когда мы вошли в один из них, то оказалось, что мы попали в великолепно оборудованный салон. Именно в нем и предстояло нам монтировать узел связи для Верховного. Все было сделано за два дня. И в эти два дня мы узнали, что каждый из нескольких вагонов имел свое назначение, а весь поезд мог быть совершенно автономным от всего окружающего. У него была своя электростанция, спальный вагон, вагон для охраны, склад продовольствия, вагон для заседаний, вагон для сопровождающих Верховного — аппарата Генштаба.

Никогда ни в какой мемуарной литературе я ничего не слышал и не читал об этом поезде... Но в 1944 году, когда в последний раз был ранен и лечился в Москве, я обратил внимание на то, что на станции метро Кировская, поезд проскакивал без остановок. Тогда я узнал, что в это время поезд, нами смонтированный, стоял там и использовался Верховным особенно в дни бомбежек Москвы летом 41-го.

Первый бой — Последний бой

Это было осенью 1943 года. Был я тогда командиром взвода автоматчиков пехотного полка. Шли бои на правом берегу Днепра, южнее Киева в районе города Переяславля-Хмельницкого. Только через 32 года, в апреле 1975 года, я впервые узнал, когда приехал на отчетную полевою археологическую сессию, что в истории Великой Отечественной войны этот район получил название Букринского плацдарма.

Роты автоматчиков в пехотных полках использовались самым различным образом — на охране штаба, для закрытия брешей на переднем крае, для прорыва переднего края, в так называемых «боях местного значения». Нередко такие роты просто были резервом командира пехотного полка стрелковой дивизии. Я часто вспоминаю один эпизод этого времени, свой первый бой...

...В это утро от роты практически осталась полурота — человек сорок, может быть с небольшим. Командир роты был вызван в штаб, а из офицеров я был один и таким образом остался за старшего. Еще ночью нас сняли с переднего края, где мы затыкали брешь в боевых порядках полка, и мы были переведены в резерв. Посланный из штаба полка передал мне распоряжение перевести полуроту в район штаба для охраны. Он сам послужил нам проводником и указал место, где

мы должны были залечь. Я использовал воронки и расположил солдат. Прошло какое-то время, и над нашими головами один за другим начали разрываться какие-то снаряды. Через две-три минуты я понял, что это шрапнель.

Особенности шрапнели заключаются в том, что ее осколки не имеют никакой траектории и падают отвесно. Укрыться от шрапнели можно только под навесом или в глубоких ходах сообщения с подбоями.

С первых же минут начала таять моя полурота, начался ропот... «Что же нам тут помирать всем, младшой. Младшой, уходить надо, пока всех не положили...» — со всех сторон слышал я. Но уходить было некуда. Мы были обязаны охранять штаб. Бои на Букринском плацдарме носили очень острый характер, с частыми контратаками, с взаимными прорывами переднего края.

Прошли первые пять или шесть минут, а у меня уже более десятка раненых. «Что делать? Ведь побегут!». Надо иметь в виду, что среди автоматчиков в 1943 году обычно больше чем где-либо были значительные потери, и в этот день в составе полуроты было много вновь прибывших солдат. Именно поэтому у меня возникла идея. Я вылез из воронки и стал прохаживаться вдоль по расположению полуроты. Шли одна за другой минуты... Шрапнель рвалась по-прежнему над головами солдат, но ропот стал затихать. Солдаты видели своего командира целым и невредимым. Теперь с разных сторон я слышал новые возгласы: «Младшой, младшой, залазь в воронку не так бьет». Не знаю, сколько минут я ходил среди своих солдат в полный рост. Вспоминая все сейчас, думаю, что это продолжалось несколько минут, не более пяти, пока кто-то не схватил меня за полы шинели. Я упал и скатился в воронку. Кто-то страшно выругался: «Ты что, младшой, а ведь убить могли»... Я понимаю, что такое бывает только в романах, но ТАК БЫЛО. Артналет кончился также внезапно, как начался... но полурота почти растаяла. У меня осталось не более 25 здоровых бойцов.

Через час нас бросили в очередную брешь, а осталось нас только пятеро. Утром я отправился в тыловые порядки дивизии, которые были километрах в трех у деревни Трактористы набирать новый взвод. (Лишь много лет спустя я узнал, что на самом деле деревня называлась Трахтомировка, а солдаты исказили это название. Когда я побывал на этих местах в апреле 1975 года, мне очень хотелось посетить эту деревню, но, к сожалению, не получилось.)

А вот другой эпизод. Отправляя меня в бой, начштаба полка сказал: «Поведешь людей встык первым и вторым батальоном. Там нем-

цы контратакуют наших. Людей нет, командир роты остается в штабе. Ты должен идти на деревню Ромашки. Как выйдешь на передний край, увидишь разрушенную мельницу. Вот дуй до нее. Понял?».

В стереотрубу на командном пункте полка виднелась мельница, но сейчас, когда я вел людей балками и оврагами к переднему краю, ничего не было видно.

Вот, наконец, и передний край, ни справа, ни слева ничего не видно. Бойцы по команде начинают вылезать на гребень. Ползем дальше. По-осеннему светит солнце, мало грея, но нам не холодно. Нервное напряжение дает о себе знать. Тишина. Ни одного выстрела. Мелкие, наспех кем-то вырытые окопы, заполняют ползком солдаты полуроты, прочно распластавшись на земле. Я начинаю оглядываться. Вот они, полуразрушенные крылья мельницы. До них далеко, километра полтора. А где немцы? Вот они. Их окопы совсем близко, метров двести, наверно. Медлить нельзя. Враги еще не успели нас заметить. Нужно поднять людей, но как трудно это сделать! Невыносимо трудно подняться с земли, она, как магнит, притягивает все тело, сковывает волю...

Я с трудом вскакиваю на ноги. «За мной, — кричу. — Вперед!». Проходит какая-то доля секунды, а может и несколько секунд. Я стою один, бойцы полуроты еще не поднялись. И в тот момент, когда они уже на ногах, и увлекаемые неведомой силой, которую только способно внушить могучее «Ура!», бегут навстречу врагу, тут раздается одиночный выстрел. Я медленно сажусь на землю, ничего еще не понимая. Проходит какая-то доля секунды. Я пытаюсь встать и с удивлением обнаруживаю, что сделать этого не могу. Под шинелью и гимнастеркой течет что-то горячее, обжигая грудь.

«Младший лейтенант, вы живы?» — это кричит мой связной, молодой двадцатилетний парень, тоже невысокого роста, крепкий, широкий в кости Ванюша Брагин. «Жив», — еле слышным голосом отвечаю я. «Почему я встать не могу, куда девался голос?». Видя, что силы начинают оставлять меня, Ванюша быстрым движением расстегивает ремень, снимает гимнастерку, вот откуда течет кровь, чуть пониже ключицы, с правой стороны.

«Младший лейтенант, вы ранены в грудь. Моим пакетом ничего не могу сделать, где ваш пакет?» — я слышу, но ответить уже ничего не могу. Сознание покидает меня...

Когда я очнулся, понял, что наши войска отступили, а я оказался на ничейной земле между позициями наших и немецких войск. Немцы приближались... Одна мысль сверлила мозг: «Только бы не достаться им живым...» Мне, советскому офицеру, еврею, нельзя попасть в

плен. Из последних сил я вытащил револьвер, чтобы разрядить его по врагу, а последнюю пулю пустить себе в лоб. Но в этот момент кто-то сильно схватил меня за руку: «Что ты делаешь, младшой?!». Это была мой вестовой. Оказывается, наши войска пошли в контратаку. А меня санитары вынесли с поля боя... Перевязочный пункт размещался в старой церкви, но до нее было не дойти своим ходом... Не все дошли. Церковь была совсем не приспособлена для медицинских целей, не хватало даже воды. Оттуда меня отправили в госпиталь в город Мичуринск. Смутно донесли слова врача о вероятном летальном исходе... Это было мое первое тяжелое ранение в правое легкое, пулевое, навывлет...

Лишь много позднее я узнал, что плацдарм, на котором полегло столько людей, был ложным, отвлекающим внимание немцев от настоящей переправы основных наших сил через Днепр. А тогда... Тогда, выжив вопреки всему и подлечившись, я снова отправился в действующую Армию. Меня послали на 3-й Белорусский фронт и назначили командиром взвода автоматчиков танкового десанта. Танки подавляли огневые точки врага, а десантники, соскочив с танков, добивали солдат противника. Наши передовые части, стремительно наступавшие, несли при этом большие потери: 75 процентов солдат выходило из строя за две недели.

Я снова был ранен. Пуля задела плечо и руку. Меня эвакуировали с поля боя, и я оказался в госпитале в Москве. И здесь, как бывает только в романах, — неожиданная радость — встреча с отцом и младшим братом. Отец воевал на Ленинградском фронте, освободившись по приказу о демобилизации научных работников, приехал в Москву за братом.

Я был признан инвалидом и вскоре тоже был демобилизован.

Осенью 1944 года я поступил на первый курс исторического факультета Ленинградского государственного университета.

Н.М. Федоров

ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО — МЫ ОБЛЕГЧИЛИ ДЕЙСТВИЯ НАШЕЙ ПЕХОТЕ

Николай Матвеевич Федоров, заместитель директора по административно-хозяйственной части. Полковник авиации. Воевал на Западном, 4-м Украинском и 2-м Прибалтийском фронтах. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Осень 1943 года. Войска 4-го Украинского фронта ведут ожесточенные бои за Мелитополь. Враг упорно сопротивляется. Спешным порядком он подбрасывает по железной дороге боевую технику: танки, самоходки и артиллерию.

Перед нами поставлена задача — сорвать железнодорожные перевозки противника. Эта задача возложена на нашу 289-ю штурманскую авиационную дивизию, где я был заместителем командира.

Как сейчас вспоминаю день, мало чем отличающийся от других. Яркое утреннее солнце весело и мягко разлилось по аэродрому. Свежий ветерок шелестит ветками густых акаций, сплошной стеной окружавших КП полка, где я уже с утра находился, чтобы руководить боевой работой штурмовиков. Совсем мирная, домашняя тишина, даже не верилось, что совсем рядом идет война, тяжелая, кровопролитная.

Летный состав тоже давно уже на аэродроме, ждут, как всегда, боевой задачи. Вдруг какой-то тревожный телефонный звонок. Беру трубку. На меня как-то озабоченно смотрит командир полка Герой Советского Союза подполковник Рябчевский. Я, слушая, узнаю голос командира корпуса генерала Филина:

— Федоров! Нужно срочно подготовить восьмерку штурмовиков. Очень важная вражеская цель. Нужно ее разгромить!

Я внимательно слушаю генерала, а у самого сверлит мысль: «Вот случай самому сводить эту восьмерку и “долбануть” фрицев».

— Товарищ генерал! Разрешите я сам поведу восьмерку!

— Сам, сам! Ты слушай лучше задачу, где и что. Бери лучше карту. Я взял карту.

— Южнее Мелитополя, — продолжал Филин, — наша воздушная разведка сегодня на рассвете обнаружила и сфотографировала два железнодорожных эшелона под парами. Они готовятся под разгрузку. Необходимо их настигнуть на станции и уничтожить, не допуская до Мелитополя. Пойдете восьмеркой. Все ясно?

— Ясно, — ответил я. — Так разрешите я свожу восьмерку!

Генерал молчал почти полминуты.

— Ну, ладно. Не сидится тебе. Ну, веди, да будь осторожен. Учтите, что цель сильно прикрыта зенитными средствами.

— Все понятно. Думаю скрытно, на бреющем полете подойти с Азовского моря и произвести штурмовку с хвоста.

— С «хвоста», говоришь? Это идея. Одобряю. Сейчас 7 часов 20 минут, продолжал генерал. Эшелоны обнаружены в 6 часов 15 минут. 20 минут хватит на подготовку?

— Хватит!

— Ну, давай, давай. Жду хороших результатов.

Рябчевский слушал мой разговор, прикидывал в голове: кого назначить на взлет.

— Товарищ полковник! Возьмите группу старшего лейтенантка Кравцова, отличная восьмерка!

— Добре.

Я надел шлемофон, взял планшет и вышел к сидевшим летчикам у большого дощатого стола.

— Кравцов! Посмотрите свою группу. Я сейчас объясню боевую задачу. Построенной группе я детально объяснил боевую задачу: маршрут полета и тактику его выполнения.

Взлет в 7 часов 40 минут. Взлетаем парами. Сбор группы на летном круге.

Записи обернулся к своему воздушному стрелку — сержанту Ветеркову.

— Тщательно проверь пулемет, работа предстоит большая.

Вскоре моя группа была в сборе и бреющим полетом я повел ее строго на юг.

Под нами стремительно мелькают небольшие хутора сел. Я снижаю самолет все ниже и ниже. Удар должен быть нанесен внезапно, скрытно, с большой точностью.

Идем над водой Азовского моря. Утреннее море — красотища-то какая!

— Курс триста сорок, — передаю я по радио.

Вот и железная дорога, строгой линией бегущая на север, сливаясь с горизонтом степи.

— Я «Сосна»! Скоро цель. Будьте все внимательны.

Но летчикам об этом можно было и не напоминать. Они и так до предела внимательны.

Вижу впереди длинные ряды красных вагонов, платформы и приземистые станционные пристройки.

— Милые! Идем в атаку! — подаю я команду.

В следующее мгновение мои «ильюшинцы» обрушили всю мощь своего огня на вражеские эшелоны. На станции паника. Противовоздушная оборона молчит: враг захвачен врасплох.

С высоты 400 метров выбираем наиболее важные цели. Мои штурмовики теперь сбрасывают свой смертоносный бомбовый груз: по 400 кг каждый «Ильюшин». Производили атаку за атакой. Враги не противодействуют. Внизу хаос. Все кругом в огне. Воздух потрясают взрывы. Это рвутся боеприпасы. Горят танки, самоходки на платформах. Мы делаем шестую атаку. Смотрю в форточку. Слева мои летчики уже охотятся за целями. Выходим из шестой атаки. Замечаю, что с северо-запада приближаются к пожарищу несколько черных точек: «Успели вызвать “мессеров”», — мелькнуло у меня в голове. Но теперь уже поздно.

Строго в эфир даю команду: «Я “Сосна”! Ко мне! Идем домой!».

Группа собралась и мы развернулись к своему аэродрому. На сердце было радостно от такой удачной штурмовки ненавистного врага. Ему нанесен решающий удар, уничтожено много боевой техники и боеприпасов. Теперь им «не доехать» до Мелитополя. Мы облегчили действия нашей пехоте.

А скоро мы приземлились на своем аэродроме. Вечером из штаба корпуса полк Рябчевского получил благодарность, а я моральное и радостное удовлетворение.

А.А. Викторова

МНЕ ДОВЕЛОСЬ СЛУЖИТЬ ВОЕННЫМ ПЕРЕВОДЧИКОМ

Для человека моего поколения, всю жизнь связанного с Ленинградом, его жизнь, как правило, делится на «до войны» и «потом», когда началась война, блокада, эвакуация, служба в армии — фронт, а затем нелегкие послевоенные годы.

В 1940 году я окончила школу и поступила на кафедру монгольской филологии Ленинградского государственного университета. Все восточные языки и литературы в то время изучались на соответствующих кафедрах филологического факультета. Традиционно 1 сентября весь первый курс приобщался к взрослой жизни, к студенчеству, присутствуя на лекции декана филологического факультета профессора А.П. Рифтина, читавшего курс «Введение в языкознание». Навсегда запомнились первые слова его обращения к первокурсникам: «Дети мои...». Впоследствии Александр Павлович Рифтин, читавший курс языкознания по Марру, с яркими примерами «классовости языка», такими, как «юная дева трепещет» (дворянский язык) и «молодая девка дрожит» (язык угнетенных масс народа), народной этимологии заимствований («полуклиника» — поликлиника, «спинжак» — пиджак и т.п.), увлекавший нас этими новыми тогда мыслями, всем отношением к нам, студентам, в тяжелые времена блокады и эвакуации показал, что его слова «дети мои» не были только словами, а выражали суть его отношения к нам: многие остались живы благодаря ненавязчивой, но действенной заботе нашего декана во время блокады и эвакуации.

*Лидия Леонидовна Викторова,
студентка филологического
факультета ЛГУ. Младший
лейтенант административной
службы. Переводчик
на 2-м Украинском фронте.*

На монгольскую кафедру я поступила под влиянием А.В. Бурдукова. Незадолго до выпускных экзаменов к нам в школу приехал Алексей Васильевич и рассказал о монголоведении. В школе меня привлекали гуманитарные или естественные науки. Беседа А.В. Бурдукова определила выбор. Родители, желавшие, чтобы я стала по семейной традиции врачом, не препятствовали выбору гуманитарной профессии: о том, что я сдаю экзамены на филфак, знали, но выбор востоковедной специальности был для них сюрпризом.

Кафедру монгольской филологии возглавлял тогда Н.Н. Поппе, высокий сухощавый человек, который вел преподавание монгольского языка лишь начиная со второго курса, а первокурсников пока не замечал. По его грамматике старописьменного монгольского языка мы учились. Профессор Сергей Андреевич Козин начинал нашу специальную подготовку первой лекцией — курсом «Введение в монголоведение». Он же вел и занятия по старописьменному монгольскому языку. На языковых занятиях мы за два часа прочитывали шесть строчек текста, но каждое слово и каждая его часть были всегда проанализированы нашим учителем: где, когда впервые, в каком письменном памятнике этот элемент слова и само слово встречаются, в каких значениях, как изменяются во времени. Так Сергей Андреевич соединял фундаментальное изучение языка с его историей и источниковедением. Во «Введении в монголоведение» мы узнавали о замечательных исследователях не только Монголии, но и Центральной Азии, многих из которых С.А. Козин лично хорошо знал. В начале века он работал сначала среди калмыков, организуя обучение детей и изучая нужды народа, в период автономии (1913—1919 годов) трудился над упорядочиванием финансовой системы Монголии, где вводил определенный налог (его так и называли «хошин») вместо произвольных поборов. К началу 40-х годов С.А. Козин, сотрудник Института востоковедения АН СССР и профессор университета, опубликовал переводы и исследования основных, крупнейших памятников литературы и фольклора монгольских народов: «Гесериаду», «Джангариаду» и вышедшую в начале 1941 г. первую монгольскую летопись 1240 года «Сокровенное сказание». Невысокого роста, полный, круглолицый, с коротко подстриженными волосами, тогда еще темными, и аккуратной щеточкой усов, он создавал в аудитории атмосферу спокойной доброты, в которой учеба шла в охотку, и самые сложные разделы курса с интересом и легко усваивались.

Алексей Васильевич Бурдуков — высокий, чуть сутуловатый, с остатками отросших седых волос на голове и длинными пышными «ка-

зацкими» усами — вел практические занятия по разговорному монгольскому языку по составленному им разговорнику, а также много времени уделял нашему студенческому научному обществу, в котором мы делали рефераты: каждому поручали прочесть какой-либо из трудов исследователей Монголии или шире — Центральной Азии и прочесть по нему доклад или просто рассказать на собрании студенческого нашего кружка. Очень многое при этом нам пояснял сам Алексей Васильевич, который с юных лет сначала служил в Монголии, а затем образовал русско-монгольское товарищество (типа артели или кооператива) в Западной Монголии. Он с семьей много лет жил в Монголии, оказывал местным жителям большую помощь, прекрасно знал жизнь населения, его обычаи, нравы, а также фольклор и литературу. Будучи в Монголии, он переписывался со многими крупными учеными-монголоведами, собрал большую библиотеку монгольских сочинений и трудов о монголах. Он и сам публиковал небольшие заметки и статьи этнографического характера, а ученым-моноголоведам, приезжавшим в страну, оказывал гостеприимство и помогал в сборе материалов (об этом с благодарностью вспоминали академик И.М. Майский, Б.Я. Владимирцов и др.). С нами он щедро делился своими знаниями, и от него мы узнавали в изустной передаче массу интереснейших сведений, которых ни в какой книге не найдешь. Обладая богатым жизненным опытом, Алексей Васильевич часто передавал нам как бы между прочим, советы, мудрость которых мы смогли оценить только со временем. Но авторитет внимательного к нам учителя располагал к тому, чтобы следовать его советам, продиктованным заботой о нашем благополучии. Таисья Алексеевна Бурдукова — дочь Алексея Васильевича — молодая, тоненькая, изящная женщина с темными глазами и чуть монгольского типа прелестным лицом преподавала нам язык современной прессы (хотя еще и на старой графике, новый алфавит на основе кириллицы ввели позже). Выросшая в Монголии Т.А. Бурдукова и по-русски говорила с западномонгольским акцентом, сокращая гласные звуки. Очень живая, на немного старше нас, она часто с увлечением описывала нам различные сценки из монгольской жизни, делилась своими воспоминаниями о стране. Кроме университета Т.А. Бурдукова работала в Институте востоковедения. Там же был сотрудником и наш преподаватель Василий Дмитриевич Якимов, читавший нам курс географии. Мы часто приходили к нему в Институт, где на пятом этаже Библиотеки АН были две или три маленькие аудитории, куда Василий Дмитриевич приносил нам книги по страноведению, которые мы там читали, засиживаясь по вечерам. Сравнительно молодой, всегда бод-

рый, с подкупающей товарищеской манерой обращения, носивший зимой неизменные унты Василий Дмитриевич приучал нас к работе с книгами, со специальной литературой, характеризующей природу страны.

На кафедре было принято звать студентов по именам, держать по отношению ко всем равно уважительно-доброжелательный тон. Это создавало нам, только что пришедшим первокурсникам, атмосферу полусемейную. Надо ли говорить, что мы платили нашим наставникам самой искренней благодарностью и старались, что называется, не ударить лицом в грязь на зачетах, экзаменах и просто занятиях.

Кроме специальных дисциплин в общем потоке с филфаком мы слушали лекции по античной истории, литературе, русскому языку, марксизму, изучали немецкий язык и занимались физкультурой. Причем, занятия языками и физкультурой были обязательны (отмечалось присутствие), а для лекций было свободное расписание, т.е. зачет или экзамен сдавать было надо, а лекции можно было не посещать, а готовиться по книгам. Нужно ли говорить, что мы широко этим пользовались, посещая только лекции таких прекрасных лекторов, как академик И.И. Толстой, бегая на истфак слушать блестящего Е.В. Тарле, иногда посещали занятия И.Ю. Крачковского, словом, было кого слушать и у кого учиться. На филфаке в то время было много ярких и талантливых ученых, обладавших широкой эрудицией, владевших в полной мере ораторским искусством, ценивших шутку и острое слово. По части остроумия не отставали и студенты: «Окунь на экзамене превращается в щуку» (о профессоре русской истории Окуне) или «сдал “хвост” и сижу на языке» были обиходными.

Непринужденная обстановка филфака проявлялась и на студенческих вечерах, где, собравшись в бывшей 26-й аудитории, под гитару пели любимую «Бригантину», особенно нажимая на куплет: «Мы пьем за ласковых, за непохожих, за презревших грошоковый уют», шутившую «Одессу-маму» и филфачного сочинения куплеты-частушки: «В деканате моль летает, Жигули вы Жигули, сам декан ее гоняет, эх до чего ж вы довели...». Повседневная жизнь в перерывах между лекциями, естественно, была связана со студенческим буфетом, в котором всегда были чай и свежие теплые сдобные булочки. Буфетчик Женя — молодой еще приветливый брюнет — хорошо знал нужды студентов и за несколько дней до стипендии отпускал булочки и чай на слово, в долг. Не было случая, чтобы после стипендии долг кто-нибудь не вернул.

Все эти приятные стороны жизни не мешали требовательности и, где полагалось, строгости: отчисление за три пропуска без уважительных причин занятий физкультурой, за «хвосты» — несданные вовремя

зачеты и т.д. Нравственный климат, его здоровье определяла наша сильная комсомольская организация, секретарем которой был Сережа Максимов. Он уже воевал, был в армии в недавней финской войне. Его крепкую фигуру, открытое светлоглазое лицо, шапку русых волос, аккуратно и без затей подстриженных, всегда было видно в разных точках факультета. Членом бюро была и живая, ироничная и сердечная вместе с тем, китаистка Ляля Фишман, которая была поверенной многих девичьих тайн и тактично урегулировала иногда возникавшие интимные конфликты. Большую роль в моральном климате факультета играли уже самим своим присутствием вернувшиеся из Испании интербригадовцы — студенты старших курсов — Готя Степанов, Додик Франкфурт и др. Они, как и все, учились, но в наших глазах были окружены ореолом недавней борьбы с фашизмом. Они были примером. В ведении комсомольцев в основном была и «стенная пресса» — стенгазета, каждый свежий номер которой облепляла толпа. Иногда наиболее интересные абзацы прочитывали вслух, тут же обменивались мнениями, спорили. Помню, как в стенгазете жестко критиковали за декадентские настроения опус какой-то из филфачных поэтесс, в котором были такие строки: «Я прижалась к окну, словно греза Вертинского, кокаином распятая на туманном стекле»...

Наша группа первокурсников-монголистов «поэтической» не была. Стихи писал, кажется, только Толя Толокунский. Мы же все были поглощены освоением новых для нас дисциплин. Сейчас, по прошествии стольких лет, уже забылись большинство фамилий и даже лиц. Помню лишь Валю Решетникову из Улан-Удэ, Толю и Сашу Кочеткова (ленинградцев). Вообще большинство группы были иногородними. Учились мы все старательно, с интересом, сессии сдавали без троек, а весеннюю сессию 1941 года наша группа сдала досрочно, почти на одни «пятерки».

В конце июня 1941 года я должна была поехать в гости к тете на Кавказ. Но в воскресенье 22 июня планы на будущее кончились. Началась война.

Помню, как я прибежала в университет, где был митинг. Для нас, девушек, хотевших что-то делать, не стоять в стороне, организовали трехмесячные курсы медсестер запаса, и начались занятия. Вскоре занятия были прерваны, и мы отправились рыть окопы и траншеи. Нашим отрядом руководил доцент Александр Григорьевич Дементьев, преподававший литературу советского периода. Комиссаром отряда был доцент географ Владимир Максимович Вольпе. Трудно представить двух столь внешне различных людей: А.Г. Дементьев — крупный здоровяк-

волжанин, с уже тогда заметным брюшком, с окающим говором, добродушный оптимист, со всегда готовой шуткой для ободрения приунывших, но энергичный и умевший трезво оценить обстановку. В.М. Вольпе обращал на себя внимание тонкими чертами лица и огромными темными лучистыми глазами, которые загорались лишь когда предмет разговора становился ему интересен или собеседник вызывал симпатию. Хрупкий, рядом с А.Г. Дементьевым, он отличался чуткостью и деликатностью в обращении с нами. Оба они пользовались уважением и опекали вверенных им ребят, прекрасно дополняя друг друга.

Рытье окопов было тяжелым занятием, да и для большинства — непривычным. От черенков лопат вздувались мозоли, руки болели, к вечеру было не разогнуться. Но постепенно втягивались, и все работали ровно и не жаловались. Спали на сене в каком-то казенном помещении на полу. Кормили нас кашевары, но чем — не запомнилось: не этим тогда жили. Был июль, и мы больше следили за новостями с фронтов. Через какое-то время по окончании работ мы вернулись в город, и снова начались курсы. Преподавали нам врачи из соседней клиники Отта и из каких-то других больниц.

Вскоре мы вторично отправились на оборонные работы. Долго ехали на паровичке, затем выгрузились и по лесной дороге пришли в деревушку, где и разместили нас в клубе: парней (студенты старших курсов, аспиранты, имевшие бронь) — в зрительном зале, а девушек — на сцене за занавесом. Предварительно мы натаскали соломы. Нашим начальником снова был А.Г. Дементьев. Место, где мы должны были сооружать противотанковые рвы, было в шести километрах от деревушки, в дивном сосновом бору, где одна красивее другой стояли мачтовые сосны, вблизи было торфяное озеро с черно-коричневой водой, пить которую было нельзя: неосторожные поплатились расстройством желудка. Была жара, воду носили из деревни из колодца (за шесть километров). В виде отдыха посылали двух человек с бачком, надетым на жердь. Путь до деревни, до колодца, шел по лесу с встречавшимися местами красными коврами земляничных полей. С пустым бачком это был отдых. Но обратный путь казался намного длиннее, хотя и старались скорее выполнить поручение, зная как страдают от жары товарищи.

Прежде чем начать землекопные работы, пришлось на этом пространстве вырубить лес. Действовали мы топорами и просто обрубали корни сосны с трех сторон близко к стволу, а с четвертой последний корень оставляли длинным, рубили его последним и нажимали на ствол дерева с этой стороны. Сосна валилась. Потом копали лопатами и

долбили кирками твердую, высохшую землю, выносили ее наверх носилками и насыпали по одну сторону валом. Однажды (дней через пятнадцать, кажется) нам дали выходной, чтобы помыться и постирать. Довольные отдыхом, в солнечный день шли мы по проулку, как вдруг на бреющем полете над улицей пролетел самолет и раздалось жужжание пуль, тархтенье пулеметной очереди. Это развлекался немецкий летчик. К счастью, никто из нас не пострадал. К вечеру через деревню потянулись беженцы и отходившие к новым рубежам части. Нас срочно собрали и под предводительством военного из части повели цепочкой через минное поле: ни шагу в сторону сделать было нельзя, шли след в след. Путь этот тянулся, казалось, бесконечно, долгие часы. Погода была ясная, и все время в небе высоко висели немецкие самолеты. В дорогу нам дали по кулечку сахара, хлеб есть не велели, воды не было. Шли мы по открытому болотистому луку. Наконец, через много часов пришли к железнодорожному полотну, где и застали один из последних или последний поезд, на котором вернулись в Ленинград. Работали мы на Лужском рубеже.

Снова начались занятия на курсах, теперь мы уже учились в больнице имени 25-го Октября, — делали перевязки, давали наркоз при операциях, дежурили ночами, помогая медперсоналу. К этому времени в Ленинграде начались бомбежки, и самыми тяжелыми были ранения осколками стекол. Они трудно вынимались из ран, раны были глубокими, плохо заживали, гноились.

1 сентября занятия в университете почти не возобновились на нашей кафедре. Из всего преподавательского состава остался один профессор С.А. Козин, обеспечивавший и лекционные курсы и практические занятия со студентами старших курсов, имевших бронь от призыва в армию. От нашей же младшей группы в 10 человек к началу занятий осталась я одна. Заведующий кафедрой член-корреспондент АН СССР Н.Н. Поппе еще в начале лета уехал со своей аспиранткой по Институту востоковедения Митрясовой в Калмыкию, откуда они не вернулись к началу занятий. Как мы позднее узнали, они попали в плен к немцам. Немецкое происхождение помогло Н.Н. Поппе получить должность в немецких войсках. Его назначили специалистом по вывозу в Германию музейных ценностей. Позднее он жил в Германии, преподавал, а потом перебрался в США, где снова занялся монголоведением. Митрясова же после долгих мытарств, измученная перенесенными в оккупации страданиями, в том числе и предательством своего учителя, вернулась после войны в Ленинград психически больной и уже неспособной к занятиям наукой. Это еще одна из много-

численных судеб, искалеченных войной. Судьба остальных моих товарищей по группе такова: В.Д. Якимов был призван в армию, воевал, потом погиб. Погиб на фронте и Саша Кочетков. А.В. Бурдуков был выслан в Барнаул и там скончался в 1943 г. С ним была и его семья. Об их судьбе мы узнали только после войны (А.В. Бурдуков был реабилитирован, Т.А. Бурдукова после войны много лет преподавала на нашей кафедре). Валя Решетникова стала сандружинницей и погибла под Ленинградом. Толя Толокунский, и до войны бывший слабого здоровья, погиб во время блокады. С. Максимов вступил в студенческий партизанский отряд, где и погиб.

Большинство девушек нашего курса ушли работать в госпиталь. Медсестрами в госпиталях брали преимущественно студенток старших курсов. Нас, окончивших только первый курс, оставили в запасе, но мы помогали на добровольных началах. В сентябре числа 7-го или 8-го у нашей группы было ночное дежурство в больнице, перед ним мы собрались на факультете обсудить наши дела. Предстояло после практики сдавать экзамены за курсы медсестер. Был ясный тихий вечер. Вдруг завывала сирена: начиналась тревога. Мы просидели ее в подвале-бомбоубежище филфака (где теперь буфет), прислушиваясь к гулу самолетов, тьяканию зениток и разрывам бомб, падавших где-то вдалеке, наконец, тревога кончилась, дали отбой. Выйдя на набережную, мы увидели незабываемую картину: тонкий серп молодого месяца на правой стороне неба, на нем ни облачка, река как зеркало, а громада Исаакиевского собора на фоне черных клубов дыма, подсвеченных снизу кроваво-красным, малиновым и оранжевым заревом, занимала всю центральную часть панорамы и отражалась в зеркале Невы. Картина потрясла воображение своей противоестественной красотой. В этот день замкнулось кольцо блокады и горели Бадаевские склады, где в значительной мере были централизованы продовольственные запасы города. В эту ночь в больницу поступило много раненых. Через некоторое время у нас там же в больнице (в сентябре или октябре) приняли экзамены, дали справки об окончании курсов медсестер запаса. В больнице стали проходить практику следующие группы.

В университете, как и дома, основным делом стали не занятия (я плохо помню какие-то отдельные лекции, почему-то иногда посещала занятия группы египтологов, которые вел Перепелкин), а различные работы, дежурства во время тревог и т.п. Хорошо запомнилось, как осенней сырой ночью мы, по две девушки из университетской группы ПВО, во время тревоги ходили по ночному Большому проспекту Васи-

льевского острова. Нам было поручено наблюдать за светомаскировкой и, если появятся таковые, ловить ракетчиков. Но все прошло спокойно, ни одного ракетчика мы не увидели, кое-где помогли поправить светомаскировку. Тогда нам, двум безоружным девочкам, казалось, что мы выполняем важную миссию, хотя что бы мы стали делать с вооруженным ракетчиком? Но порядок был в районе (и в городе) образцовый, в подъездах каждого дома дежурили и дворники, и жильцы дома, с повязками и противогазами, как и у нас. Бомбили не наш район. По окончании дежурства мы вернулись и сдали его следующей смене. На опустевшем факультете часть сотрудников была на казарменном положении, в ожидании штурма города еще в конце лета были оборудованы оборонительные точки, стояли бочки с водой, с песком. Мешками с песком были перекрыты окна, подвальные помещения переоборудованы в бомбоубежища.

Помню, как мы, часть отряда, сдружившегося на оборонных работах, провожали на фронт наших ополченцев: доцента А.Г. Деметьева, профессора Огородникова и других. К вечеру поехали с ними на трамвае по Международному проспекту (ныне Московский проспект) до Обводного канала, где нас застала тревога, после которой наши ополченцы отправились дальше, на фронт, к Кировскому заводу, а мы вернулись на дежурство. К этому времени тревоги, бомбежки, артиллерийские обстрелы стали повседневным бытом, как и постоянное сосущее чувство голода. По введенным по карточкам нормам выдачи продуктов студентам, как и служащим, полагалось сначала по 400 грамм хлеба на день, потом нормы снижались: 250 грамм, наконец, 125 грамм в самое тяжелое зимнее с суровыми в тот год морозами время. Нормы круп, сахара, масла также постепенно в магазинах, к которым мы были прикреплены, перестали отovarивать: нечем. Стало тяжело ходить с Новодеревенской набережной (ныне Приморский проспект) по засыпанным сугробами улицам, где были протоптаны узкие тропы, на

*Лидия Леонидовна Викторова —
специалист по Монголии,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Отдела Южной и Юго-Западной
Азии МАЭ РАН.*

Васильевский: ноги опухали и не несли отошавшее тело. В феврале было принято решение об эвакуации университета в Саратов. В конце февраля (28 числа) 1942 года, простояв несколько часов в очереди, около 11 часов вечера было получено эвакуодостоверение. Помню, как светила луна, когда шла я, с трудом передвигая ноги, по Большому проспекту Петроградской стороны, потом по Кировскому, через Каменноостровский мост, через Каменный остров, не встретив ни одного живого человека. Лишь кое-где лежали засыпанные снегом трупы замерзших людей. На Каменном острове, на съезде к реке с левой стороны, где была тропа через лед на другой берег реки, стояли дровни, груженные в несколько рядов трупами. Видимо, до Серафимовского кладбища, где были братские могилы, их не довезли. По тропе и я добралась к двум часам ночи до дома. Наутро мы с мамой стали собираться в эвакуацию. Мой отец, Леонид Александрович, был с первых дней мобилизован в армию. Что с ним, мы не знали, он также считал нас погибшими, не получив сведения на свои запросы. Он служил начмедом санитарного поезда. Но об этом мы узнали уже после войны.

Собрав в один чемодан самое необходимое и уложив в портплед постель, мы погрузили их на детские саночки — обычный транспорт той поры — и пошли на Финляндский вокзал, где провели в ожидании поезда около трех суток. Погода была морозная, мест в помещениях вокзала не хватало, мы ютились на платформе, лишь время от времени заходя погреться в помещение, тепло в котором надышали люди. Наконец, поздно вечером подали промерзшие, с наледью на стенках возле окон «дачные» вагоны, в которых нас и привезли на берег Ладоги — к Дороге жизни. Был серенький день, выюжило. Нас посадили в кузова грузовиков и через накатанную по льду дорогу перевезли в Кобону. Там, впервые за многие месяцы накормили густым наваристым борщом с ломтем хлеба и посадили в поезд, который повез нас в Саратов.

По обстоятельствам жизни время блокады — самый трудный ее первый год — никому из ленинградцев, среди которых я жила, и в голову не приходило о возможности сдачи города немцам. Не выстоять было просто нельзя, невозможно, противоестественно — таким было внутреннее ощущение. Против внешних тягостных впечатлений выработалось какое-то оцепенение души, в котором в самые трудные зимние месяцы делалось ежедневно то, что в данный момент было необходимо (дежурства во время тревог, повседневное возможное жизнеобеспечение и т.п.). В свободное время тогда я читала при свете коптилки, отвлекаясь от томительного ожидания конца, снятия блока-

ды. Это ожидание не покинуло нас и в эвакуации: каждый из ленинградцев известие о прорыве блокады ощутил как долгожданное событие, как счастье.

Тут мне хочется помянуть добром нашего ректора университета Александра Алексеевича Вознесенского. Без преувеличения можно сказать: университет выжил благодаря ему. Он умел заботиться о вверенных ему людях — преподавателях, студентах, служащих. Помню, я тяжело заболела, для лечения нужен был сахар, а его не было. А.А. Вознесенский отдал мне свой месячный паек сахара, полученного по карточкам. С большой благодарностью вспоминаю я и наших преподавателей — академика С.А. Козина, Г.В. Ефимова, А.П. Рифтина и других. За время нашего пребывания в Саратове мы буквально сроднились с ними. Они относились к нам, студентам, как к своим детям, помогали в чем могли. Жили мы тогда в помещении Хореографического училища, в репетиционном зале — большом, темном и нетопленном. Занятия проходили в общежитии. Из-за холода многие студенты болели, преподаватели все время навещали больных и даже, по необходимости, принимали у них экзамены.

Лето 1943 года принесло изменения в моей судьбе. Я последовала на фронт вслед за мужем. Из военной части, где служил муж, прислали в университет запрос на переводчика. Я воспользовалась этим и уехала на военной машине на Украинский фронт под Харьков. Дорога заняла у нас ровно две недели.

Через полгода после прибытия на фронт я была зачислена на должность военного переводчика следственной части штаба 5-й ГвТА. На войне люди познаются лучше и быстрее, чем в мирное время. Вспоминаю добрым словом нашего начальника разведотдела полковника Гречанинова. Кстати, от него мы впервые узнали о подвиге молодогвардейцев. Сам полковник был родом из Краснодона. После его освобождения полковник, получив недельный отпуск, поехал навестить семью. Но оказалось, что его семья погибла.

Такую же добрую память о себе оставил подполковник Третьяков — начальник оперативного отдела. Во время налета авиации он был ранен осколком бомбы в живот. Девушке-санитарке, хотевшей перевязать рану, он сказал: «Спасибо, голубка, позаботься о других, мне уже не поможешь». Спасти его, действительно, не удалось.

В составе танковой армии я прошла путь от Харькова до Кировограда через Полтаву. В конце февраля 1944 года я была демобилизована по состоянию здоровья.

М.М. Крюкова

КАЖЕТСЯ ТОГДА Я ВЫПЛАКАЛА ВПЕРЕД ВСЕ СЛЕЗЫ, СЕЙЧАС ИХ УЖЕ НЕТ

Мария Матвеевна Крюкова, сотрудница Отдела фондов, инженер, комендант МАЭ. Старшина, разведчик. Участвовала в боях на Западном и Центральном фронтах. Награждена орденом Славы 3-й степени, орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

И вот однажды — было это 7—8 июля — к нам в цех заглянули красноармейцы и страшно удивились: «Что вы тут делаете, девочки, немцы уже в городе, идут уличные бои!». Тогда мы решили раздать все съестное солдатам, а самим уйти из города. Так мы и сделали, прихватив с собой немного хлеба и конфет.

На окраине города к нам подбежал офицер и спросил, кто из нас может перевязать раненого. Вызвалась я. Офицер дал мне санитарную

В 1941 году мне шел девятнадцатый год. Жила я и работала в городе Смоленске в кондитерской «Смолпищепрома».

22 июня 1941 года, как только услышала взволнованное выступление В.М. Молотова по радио, где сообщалось о нападении на Советский Союз гитлеровской Германии, сразу же побежала к себе на работу, да так и осталась там. Только один раз удалось побывать дома. Мы не выходили с производства, работали, дежурили. Всех мужчин, кто подлежал мобилизации, срочно призвали в армию. В цеху остались три девушки: Лена Егорова, она была постарше всех, я и ученица из детдома — Рая Урицкая.

24 июня немцы совершили первый налет на Смоленск, второй был, кажется 28-го. Город почти весь лежал в руинах или горел; более 120 самолетов бомбили Смоленск, — так передавали по радио. Дом, где я жила, тоже сгорел.

Но наш цех уцелел, и мы продолжали работать. Было страшно и тревожно — немцы приближались к городу.

сумку, подвел к тяжелораненому. Это был молоденький лейтенант, он лежал вниз лицом и стонал. Я очень испугалась, увидев большую рану, но взялась перевязывать. Перепачкалась вся в крови, холодный пот с лица капал, но перевязала. Раненого унесли, а нам предложили остаться в воинской части. Я тут же решила: буду служить в армии. О своих родных я ничего не знала. В воинской части со мной осталась Рая Урицкая. Выдали нам обмундирование, оружие. Мы приняли воинскую присягу. Начались занятия по овладению стрельбой из винтовки, старшина научил бросать гранаты.

Почти до конца июля наши войска, сдерживая бешеный напор немцев, держали оборону за городом Гедеоновка. Не помогли немцам даже предпринимаемые ими психические атаки.

Однажды я решила сходить на нейтральную полосу за табаком, который должен был быть в бывшем магазине. Наши солдаты сильно страдали из-за отсутствия курева, и я решила раздобыть его. Переодевшись в гражданское платье, с чемоданом в руках стала пробираться к цели. Магазин находился рядом с бывшим спиртозаводом. Во дворе спиртозавода, у ворот, стояла подбитая немецкая машина. Я забралась в нее, и стала ждать подходящего момента. Кругом стояла зловещая тишина, которая наводила на меня страх. Дождавшись темноты, я вошла в магазин через разбитое окно, сильно порезавшись о стекло. Но боли не чувствовала, радостно прижимая к себе добычу. Дорога обратно была тяжелее, немцы заметили меня и открыли огонь. Где ползком, где перебежками удалось вырваться из обстреливаемой полосы. Как же солдаты были рады, когда я открыла чемодан и выложила перед ними пачки гродненского табака!

В конце июля пришлось отходить на восток — немцы прорвали нашу оборону.

Помню, в первых числах августа добрались до Соловьевской переправы на Днепре. Наши войска отходили с западных рубежей в этом направлении. Трудно описать, что там творилось.

Фашисты бомбили переправу почти непрерывно. Слева и справа наши войска шквальным огнем удерживали переправу. Этот тесный коридор олицетворял собой настоящий ад. Трудно было понять что-то. Однако раненых и технику переправляли в первую очередь. В ночь на 4 августа оставшиеся в живых впласть переправились через Днепр. Потом целый день отходили по лесу на восток, где из отдельных групп формировались новые части.

Я попала в какой-то медсанбат. Отошли к Вязьме, затем к Москве. При отступлении я была ранена небольшим осколком под глаз.

Поздней осенью меня направили служить в полевой госпиталь, который перебросили на Калининский фронт. Мы принимали раненых из-под Ржева.

Осенью 1942 года я ушла на фронт в действующую часть, в 1106-й стрелковый полк. В ноябре в разведке боем была ранена пулей в кисть левой руки. Это было на реке Вазузе у деревни Степановка. Деревня была захвачена нашими, но мне пришлось покинуть поле боя, так как я потеряла много крови.

После лечения в госпитале в Загорске меня направили в 215-й стрелковый батальон. В декабре 1942 года политотдел части направил меня в формирующуюся лыжную бригаду. Бригаду готовили для засылки в тыл противника. Это было в деревне Малиновка Калининской области. Нас было около 300 человек в бригаде, в основном девушки и парни из Калининской области. Занимались каждый день по многу часов. Ходили на лыжах с грузом за плечами, учились стрелять из противотанкового ружья, подрывать рельсы, пользоваться термитными шарами и многому другому, что могло потребоваться в тылу противника.

В конце марта 1943 года приехал генерал из совета 30-й армии и дал «добро» на переход линии фронта. Это было в районе города Ржева. Шли по заваленному лесу, болотам и были уже близки к цели, когда узнали, что советскими войсками взят Ржев. Мы присоединились к нашим частям и стали преследовать немцев. Примерно в ста километрах от Смоленска немцы остановили свое бегство, перешли к обороне. Мы также вынуждены были остановиться из-за весеннего бездорожья. Стояли в лесу недалеко от реки Вопь и ждали дальнейших распоряжений.

Наконец пришло распоряжение. Нас расформировали по близстоящим частям. Я опять попала в 215-й стрелковый батальон, откуда меня направляли в лыжбат, в 284-ю отдельную разведроту. Вспоминается такой эпизод. Случилось это в мае 1943 года. Неделю мы наблюдали за боевым охранением немцев, выдвинутым к нашей обороне в районе совхоза «Зайцево» Смоленской области. Нам необходимо было захватить «языка». Как это осуществить: противник занимал оборону на возвышенности, мы тоже. Нас разделяла река, кажется, Лучеса. Места вокруг были равнинные, от деревни совхоза «Зайцево» осталось несколько обгорелых деревьев да русская печь, кругом бурьян. Решили действовать ночью.

Ночь выдалась пасмурная. Нас построили, и майор Александр Богатырь, уточнив задание каждого, спросил: «Если кто-то себя плохо чув-

ствуем, выйти из строя». Никто из строя не вышел. В 12 часов ночи мы двинулись. Перешли вброд реку и мокрые поползли дальше. Тишина стояла полная, только изредка с немецкой стороны загоралась ракета, да иногда постреливал пулемет. Мы залегли и стали выжидать. В четвертом часу разведчик Борис Воробьев бросил противотанковую гранату в сторону ближайшей огневой точки немцев. Завязалась схватка. Оставшиеся в живых немцы под огнем наших автоматов бросились бежать к своим основным траншеям. Там возник переполох. Опомнившись, немцы перешли в атаку, стремясь отрезать нас от реки. Однако мы успели захватить раненого немца, но его пришлось оставить недалеко от реки в трясине, а самим залечь в кустах и занять круговую оборону. Так распорядился наш ответственный за оборону младший лейтенант Гаврилов. Уже рассвело, немцы стали бить из всех видов орудий, даже минометов. У нас был тяжело ранен разведчик Савенков, погиб Анатолий Цимбалов — самый молодой наш разведчик.

До следующей ночи нам пришлось просидеть в прибрежных зарослях из-за сильного обстрела. Пока отсиживались, мы с Борисом Воробьевым договорились вдвоем пробраться к раненому немцу. Добрались ползком по трясине до того места, где он лежал. Я попробовала его потянуть, но мои ноги вязли в трясине, а он — ни с места. Тогда я решила обрезать бритвой его карманы в надежде найти там какие-либо документы. Борис прикрывал меня. Все же немецкий снайпер обнаружил меня, хорошо что промахнулся, разрывная пуля зацепила кустик, росший в нескольких сантиметрах от того места, где я находилась. За эту операцию нас троих наградили орденами.

В этом районе мы много раз ходили на различные задания. Были удачи, были и неудачи. Теряли и своих товарищей, которых я постоянно оплакивала, если удавалось их похоронить — сшивала из бинтов покрывало, чтобы не класть их прямо в землю. Похороны боевых друзей мне дорого обходились. Кажется, тогда я выплакала вперед все слезы, сейчас их уже нет.

Лето 1943 года прошло в подготовке наших войск к большому наступлению. И вот в конце августа наши войска перешли в наступление. Началось все с артподготовки, земля гудела от орудийных залпов. Немцы не выдержали и побежали, да так, что мы едва успевали за ними.

В 25 километрах от Смоленска на реке Березине у поселка Гузино мы оказались впереди своей дивизии и нарвались на немецкое прикрытие отхода. С нами была на задании пулеметчица Мария Малькова

из 18-го стрелкового полка нашей 215-й стрелковой дивизии. Ее убило в голову разрывной пулей. Мария была моей единственной подругой на фронте. Как мне было больно, когда я увидела ее мертвой на асфальте Минского шоссе!

Под Оршей немцы окопались и залегли в оборону. Однажды мы взяли в плен фашиста, ростом около двух метров. Я присутствовала на допросе, охраняла нашего переводчика. У фашиста обнаружили коллекцию снимков с виселицами наших солдат. Какое ужасное впечатление произвело на нас увиденное! Ребята воздали ему должное...

Наша часть ушла правее от Минской магистрали в сторону Витебска. Была взята станция Крынки под Витебском, вели бои местного значения. Сплошного наступления не было. Но наши солдаты отбивали многочисленные атаки немцев. Однажды мы — разведчики — оказались в одной из деревень на самом переднем крае фронта, но уже освобожденной нашими солдатами. К нам подошел старший командир, не помню уж его фамилии, и говорит: «Мы отбили уже восемь атак, не исключено, что фашисты опять полезут, а у наших бойцов — они окопались вон за той сопочкой — кончились патроны. Кто сможет отнести им патроны?». Вызвалась я. Поколебавшись, командир сказал: «Неси!».

Набрала я коробок, сколько могла, и понесла. Идти было совсем недалеко, за картофельное поле. Дошла до цели спокойно, хоть и тяжело было идти по снегу с тяжелой ношей. Раздала патроны. Как же они, бойцы, были рады, увидев меня с патронами! Шутили со мной, просили оставаться и помочь отбивать предстоящие атаки, но мне было приказано вернуться обратно сразу же.

Едва я успела спуститься под горку, как мне закричали вслед. Я обернулась и увидела выползающий слева танк. Отбежав немного в сторону, плюхнулась за маленький бугорок снега. Приготовила на боевой взвод автомат и гранату ЭФ-1, которая всегда была при мне. А танк ползет прямо на деревню, за ним автоматчики строчат в воздух. На какое-то мгновение мне стало страшно, потом успокоилась. Наши артиллеристы вторым снарядом подбили танк, он задымился и вдруг начал разворачиваться в мою сторону. Я решила: теперь все, «капут»! Но третий снаряд так крепко подбил танк, что он уже больше не сдвинулся с места и задымился. Немцы стали вылезать из люка, но наши ребята не растерялись. Я встала во весь рост, пустила очередь по танку и спокойным шагом пошла обратно в деревню.

На следующий день нас, разведчиков, послали в 711-й полк нашей дивизии, что находился левее от расположения нашего батальона. Мы

получили задание разведать, как проходит линия немецкой обороны после дневных боев. В первом часу ночи мы отправились на задание. Отошли метров 700 и наткнулись на засаду: завязался бой. Я успела расстрелять один диск, стала перезаряжать второй, как вдруг почувствовала удар по левой ноге, поняла — ранение. Мы отбивались еще какое-то время, потом получили приказ отходить.

Сначала я побежала вместе со всеми, потом отстала из-за боли в ноге и упала. Лежу на снегу, глаза закрыла и вдруг слышу, сзади кто-то подбегает. Я подумала, что враг. В голове промелькнула мысль — если его не удастся пристрелить, застрелюсь сама. Приготовила пистолет, а подбежавший кричит: «Свои!».

Меня с трудом тащили на палатке, в ноге была такая сильная боль, что до меня нельзя было дотронуться. С трудом добрались мы к своим. Пулю удалили только через три месяца в госпитале в городе Калуге. Долечивалась в Иркутске и в июле 1944 года получила отпуск на две недели на свою родину — Смоленщину.

В августе 1944 года началось наступление на Минск. Я, не дождав-шись конца отпуска, ушла опять на фронт по направлению Смоленского военкомата в свою часть.

Последнее место службы — 489-я отдельная разведрота, конный взвод. Дошла со взводом до реки Неман. Тут я опять повредила раненую ногу, так как подо мной была убита лошадь. Снова попала в госпиталь, откуда меня выписали в январе 1945 года, со II группой инвалидности. Вскоре я демобилизовалась.

А.С. Задорожный

МНЕ ЦЕЛЫХ ВОСЕМЬ ЛЕТ ПРИШЛОСЬ НЕ ВЫПУСКАТЬ ИЗ РУК АВТОМАТ

Алексей Степанович Задорожный, комендант. Капитан. Участвовал в боях на Северо-Западном и Прибалтийском фронтах. Награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и другими.

Боевое крещение я получил у города Кашира, осенью 1941 года. В составе стрелковой пехоты я прошел по Ленинградской, Псковской, Новгородской областям: участвовал в освобождении Пскова, Новгорода, Старой Руссы, Вильнюса, Шауляя и других городов.

В городе Паневежисе я встретил день Победы. Очень хотелось поскорее снять солдатскую шинель. И вышло так, что день 9 мая 1945 года не стал для меня последним военным днем. Еще целых три тяжелых года пришлось воевать, ликвидируя остаточные вооруженные группы на территории Советской Литвы.

Самое страшное воспоминание о войне, сохранившееся в моей памяти: сожженная до тла Новгородская земля.

Отгнав немцев, наши солдаты километр за километром шли по совершенно голой, выгоревшей земле, на которой не осталось тогда ни единого дома и ничего живого. Это было самое страшное зрелище.

М.П. Горбовский

ДВА ЭПИЗОДА ИЗ МОЕЙ ВОЕННОЙ БИОГРАФИИ

Незадолго до начала войны в 1940 году я окончил 1-е Ленинградское авиационно-техническое училище им. К. Ворошилова и был направлен в Чугуевское училище летного состава под Харьковом, где получил специальность механика самолета.

Наш истребительный авиационный полк, куда меня назначили, был сформирован в сентябре 1941 года и сразу отправился на Калининский фронт. Мы, механики самолетов, должны были обеспечивать боевые вылеты независимо от времени суток, тяжелых метеорологических условий, непрерывных вражеских обстрелов и бомбежек. Мне поручили обслуживание самолета сержанта Андрея Егоровича Боровых (впоследствии Героя Советского Союза). Боровых прибыл к нам на Калининский фронт в разгар крупной зимней наступательной операции 1941/42 годов. Немало схваток с врагами в его военной биографии — около 600 боевых вылетов, более 150 воздушных боев, лично сбито 32 фашистских самолета и 14 — в групповых боях. В этих победах есть доля и моего участия — ведь я обслуживал его самолет, т.е. делал все, что положено, вплоть до сложного ремонта.

Особенно запомнился мне февраль 1942 года. Наш аэродром, расположенный тогда под городом Тороповцом Калининской области, подвергался частой бомбардировке. Морозы в ту зиму стояли жестокие. Лежать на земле под самолетом для его починки было нелегкой работой. Меховая одежда согревала мало, сильно обмороженные руки плохо слушались. Выручала нас, механиков, высокая по тем временам норма питания, да иногда «боевые сто грамм», достававшиеся нам в случае, если летчики не возвращались с боевого задания. Механикам по уставу эти «боевые сто» не полагались.

В тот памятный день, когда начался особенно яростный обстрел аэродрома, я лежал под самолетом, снимая бензобак. Девушки-зенитчицы «пропустили» немецкий самолет. Фашисты обстреливали нас «лимонками» — снарядами, которые разбивались на множество осколков. Сильно пострадал не только наш аэродром, но и землянки, где мы жили. Чудом удалось уцелеть.

А еще запомнился мне 1944 год. Было это в городе Сарны (Западная Украина). Наши военные расположения, в том числе и аэродром,

вдруг стали подвергаться сильной бомбардировке. Как выяснилось, здесь поработали наводчики из числа бендеровцев, или бульбовцев, как их прозвали. Они прятались в лесу, подавали фашистам условные сигналы, вели постоянную охоту на наших бойцов. Так вот, нас, нескольких бойцов, в том числе и меня, направили в сопровождении трех партизан на поимку «языков» из среды бендеровцев, чтобы выяснить, где расположена их основная база. Трудно далось это задание. При приближении к лесу бендеровцы открыли шквальный огонь из станковых пулеметов, длившийся несколько часов. Многих товарищей из нашей группы мы тогда потеряли, но задание выполнили, привели трех «языков».

Воевать мне довелось на многих фронтах: Центральном, Прибалтийском, 1-м, 2-м и 3-м Украинских, Белорусском. Повидать и пережить пришлось немало.

Но вернулся с фронта, провоевав всю войну, живой. Войну закончил на Прибалтийском фронте. В 1946 году из Риги вернулся домой. А вот мои три брата домой с войны не вернулись.

Э.П. Карнеев

Я БЫЛ УЧАСТНИКОМ ПАРАДА ПОБЕДЫ

В августе 1940 года после окончания 7-го класса средней школы в Москве, где я родился и жил, поступил в 1-ю Военно-морскую специальную среднюю школу. Тремя годами ранее были созданы специальные артиллерийские средние школы, позже — авиационные, а в 1940 году — военно-морские. Они создавались как военные гимназии для обучения детей 8—10-х классов с целью подготовки их к учебе в высших военных училищах. В мае 1941 года наша Спецшкола (и я в том числе) участвовала в последнем первомайском параде на Красной площади в Москве.

С началом Великой Отечественной войны нас перевели на казарменное положение, а в дни, когда немецко-фашистские войска подошли к Москве на расстояние выстрела дальнобойной артиллерии (10—20 октября 1941 года), наша школа была эвакуирована в Сибирь, в город Ачинск. Несмотря на все неудобства временного размещения, занятия в школе были налажены, поскольку весь преподавательский состав был эвакуирован вместе с учащимися.

Осенью 1942 года наш курс (10 класс) был направлен в качестве подготовительного курса при среднем военно-морском училище, которое находилось в Москве. 14 октября 1942 года мы приняли военную присягу. Летом 1943 года нас отправили из Москвы в Баку, где к этому времени оказалось Высшее военно-морское инженерное училище им. Ф.Э. Дзержинского, и там я был зачислен на первый курс паросилового факультета, на котором готовили флотских инженеров, способных эксплуатировать энергетические установки крупных военных надводных кораблей. В июле 1944 года наше училище возвратилось в Ленинград и наш курс был направлен на практику на боевые корабли

Энгель Петрович Карнеев, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, многие годы работал директором Музея М.В. Ломоносова. Преподавал в военном училище.

Балтийского флота. За пребывание в составе действующего флота я впоследствии получил права ветерана Великой Отечественной войны.

1 мая 1945 года наше училище приняло участие в первом, практически уже послевоенном параде в Москве, а 24 июня — в составе курсантского батальона парада Победы. Самым большим впечатлением этого парада была процедура бросания знамен немецкой армии к Мавзолею солдатами роты, которая шла за нашим полком.

В октябре 1948 года, закончив Училище, я попал по назначению на гвардейский эскадренный миноносец «Гремящий» и после службы на нем был назначен в Училище Дзержинского сначала командиром курсантской роты, а после сдачи вступительных экзаменов — адъюнктом. В 1962 году защитил диссертацию на степень кандидата технических наук и после этого в течение 17 лет преподавал в высшем военноморском училище дисциплины, которые необходимы для подготовки инженеров газотурбинных установок. Одновременно в кооперации с Академией наук вел исследовательскую работу по применению магнитных газодинамических генераторов на ВМФ.

После увольнения в запас в 1975 году прошел по конкурсу на замещение должности заведующего музеем М.В. Ломоносова и с 1977 года исполнял эту должность. В течение 1978—1988 годов заведовал Ленинградским отделением Института истории естествознания и техники РАН.

ОТРЯД ИМЕНИ АКАДЕМИИ НАУК

Мало кому известно о русском сопротивлении в Маньчжурии. Успехи Советского Союза в Великой Отечественной войне активизировали борьбу, которую на чужой земле вело русское население против японских империалистов, захвативших Маньчжурию.

В 1945 году я был сотрудником краеведческого музея города Харбина. К этому времени мною был сформирован молодежный отряд, который носил имя Академии наук СССР. Ядро его составляло человек десять проверенных молодых людей, знакомых мне еще со школьной скамьи; всего же отряд насчитывал до 30 человек. Это были люди разных специальностей, инженеры, студенты, старшеклассники и другие. Весной 1945 года наша подпольная деятельность состояла в первую очередь в распространении сводок Совинформбюро (в то время слушание советских передач жестоко преследовалось) и в пропаганде советских песен. Главной же была подготовка к партизанской борьбе в случае начала войны Японии с СССР. Было специальное указание руководства движением сопротивления о сбережении кадров и соблюдении максимальной конспирации до наступления решающего момента. И действительно, работа была настолько законспирирована, что члены отряда узнали друг друга только, когда началась война (т.е. в августе 1945 года). Директором музея был японец, но отряд с первых дней войны взял музей под негласную охрану. Были установлены круглосуточные дежурства. В музее было оружие, которое использовалось во время экспедиций, и главное — были важные секретные материалы (топографические карты, данные о пограничных районах и т.д.), которые могли быть полезны Советской Армии. Эти данные передавались по назначению. Кроме музея, отряд охранял еще два объекта (военные склады).

Самый важный момент наступил перед высадкой символического воздушного советского десанта в Харбине. В городе наступило безвластие. Японцы выпустили уголовников, начались грабежи и пожары. Отряд немало сделал для поддержания порядка в городе, в охране городских ценностей. Музей был спасен от разграбления. О событиях этих дней вспоминает в своей книге маршал К.А. Мерецков: «Харбинская молодежь активно помогала советским войскам. Вооружившись, она взяла под охрану к нашему прибытию средства связи и другие

государственные учреждения... Русская молодежь разоружила воинские части Маньчжоу-Го и поставила перед собой задачу сохранить в неприкосновенности все городские жизненные коммуникации и сооружения, пока их не займет наша армия. Благодарность они восприняли с энтузиазмом и пообещали и впредь помогать всем, чем только сумеют» [Мерецков К.А. На службе народа. Страницы воспоминаний. М., 1968. С. 439].

Большинство членов «Отряда имени Академии наук СССР» сейчас работают в нашей стране. А.Г.Малявкин, кандидат исторических наук, является сотрудником Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, в Новосибирской филармонии работает Шипов, который в Харбине записывал сводки Информбюро, участником движения сопротивления был и сотрудник ЛО ИВАН Л.А. Чугуевский, многие наши товарищи работают ведущими инженерами в различных городах СССР.

Василий Дмитриевич Карпихин.
Заместитель директора по административно-хозяйственной части.
Майор, воевал на Волховском фронте. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Игорь Михайлович Лекомцев.
Научный сотрудник отдела Европы. Убит в бою.

Анатолий Михайлович Кукулевич. Сотрудник Института этнографии по издательской деятельности. Погиб на фронте.

Юрий Валентинович Кнорозов. Доктор исторических наук, лауреат Государственной премии, старший научный сотрудник Отдела Америки. Рядовой, служил в Резерве Главного Командования. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Вульф Вениаминович Гинзбург. Заведующий Отделом антропологии, профессор, доктор медицинских наук. Воевал на Волховском фронте. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда» и многими другими.

Владимир Рафаилович Кабо. Научный сотрудник Отдела Австралии и Океании, доктор исторических наук. Участвовал в боях на 1-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За взятие Берлина», «За взятие Праги» и другими.

Александр Петрович Смирнов. Заведующий производственными мастерскими. Старший сержант. Участвовал в боях на Ленинградском фронте, под Нарвой. Награжден орденом Красной Звезды.

Анатолий Иванович Собченко. Кандидат исторических наук, африканист. Рядовой. Воевал на Ленинградском фронте.

Иван Павлович Труфанов. Заведующий Научно-просветительным отделом, доктор исторических наук. Капитан. Участвовал на Западном и 1-м Украинском фронтах. Награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «10 лет безупречной службы», «40 лет Вооруженных Сил СССР».

Олег Людвигович Вильчевский. Доктор филологических наук, иранист. Подполковник. Воевал на Ленинградском и Волховском фронтах. С 1942 года служил в Политуправлении Закавказского военного округа. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и другими.

Николай Семенович Кармазин. Фотограф Института. Техник-лейтенант аэрофотосъемки. Служил в 309-м авиаполку 12-й скоростной бомбардировочной дивизии.

Алексей Васильевич Маторин. Старший лаборант-фотограф. Младший лейтенант. Прошел с боями Эстонию, Польшу, Восточную Пруссию. Награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Иван Васильевич Скресанов. Сотрудник Научно-просветительного отдела. Капитан. Воевал в составе 3-го Белорусского фронта. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» 1941—1945 гг., «За трудовую доблесть», «В память 250-летия Ленинграда».

Мухамеднур Гайсович Слесарев. Слесарь-механик. Старшина 1-й статьи эскадры Балтийского флота. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «30 лет Советской Армии и Флота», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

*Сотрудники Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
АН СССР — участники Великой Отечественной войны
на фронте и в осажденном Ленинграде.
Слева направо: 1-й ряд: Г.Н. Гоцко, Т.Л. Юзепчук, Р.А. Ксенофонтова,
М.К. Кудрявцев, Т.И. Ганюшкина, А.Н. Калдыкина;
2-й ряд: Л.И. Лавров, И.П. Кононец, А.И. Мухлинов, А.П. Смирнов,
Г.А. Гловацкий, И.К. Пржевальский, К.В. Чистов, С.М. Абрамзон.
Снимок 9 мая 1972 года*

*Сотрудники Института этнографии —
участники Великой Отечественной войны (слева направо):
1-й ряд: М.К. Кудрявцев, И.Я. Треногов, В.Д. Карпихин, В.П. Якимов, П.С. Земсков;
2-й ряд: А.М. Никитичев, П.И. Кудрявцев, Г.А. Гловацкий, А.В. Маторин,
А.И. Новиков, Б.С. Шахматев.
Снимок 23 февраля 1947 г.*